

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ * ПЛЮШЕВЫЕ САМУРАИ

Евгений Николаевич Гаркушев

Плюшевые самураи (сборник)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=308722
Плюшевые самураи (сборник): Снежный ком; 2007
ISBN 978-9984-816-05-0*

Аннотация

Истории, воплощающие в себе современные мифы... О людях и отношениях между ними, мире будущего во всем его многообразии; о компьютерах, техногенной цивилизации и возвращении к природе, о встречах с инопланетянами на Земле и полетах в космос.

Перед вами сборник рассказов Евгения Гаркушева — захватывающих, философских, ярких. В них автор повествует о разных предметах, но порой и в самых страшных историях текст искрится тонким, в чем-то даже неземным юмором.

Содержание

Шестое чувство	4
Последняя апелляция	12
Вариатор	18
Корнеплод	27
На круги своя	34
Конец Пути	39
Плюшевые самураи	41
Бобры	54
Как мы делали уют	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Плюшевые самураи (сборник)

Евгений Гаркушев

Шестое чувство

– Ты должен ее соблазнить, Вася! Просто обязан, – шептал в ухо Еремину возбужденный Павел. – Наша последняя надежда – ее помощь. Иначе представительство закроют, а нас с тобой – расстреляют. И хорошо, если просто расстреляют. Такая удача, что у этого Иваненко есть дочь. К тому же, умница, красавица и стерва.

– Угу, – без особого энтузиазма ответил Василий. – Я понимаю...

– Ничего ты не понимаешь! Она ведь, в сущности, замечательная девушка! А то, что характер подкачал – так это нам только на руку. Жениха у нее постоянного нет – тебе все карты в руки.

– Как подумаю об этом – тошно.

– А в пескоструйный аппарат тебе не тошно? – оскалился Павел. – Какие мы нежные!

– Ладно... Я попробую. Но если дело дойдет до постели...

– Должно дойти! Издали глазки строить не получится! И ты обязан стать мужчиной ее мечты.

– Ага, – еще более скептически ответил Еремин. – Надеюсь, хотя бы в средствах я не ограничен?

– Все ресурсы нашего представительства – твои. Только пошевеливайся. До вынесения меморандума осталось каких-то три дня. Всего три дня, Вася!

– Ладно. Постараюсь. Куда она денется? Только смогу ли я пересилить себя?

– В сущности, она гораздо симпатичнее, чем, скажем, Анечка из секретариата, к которой ты безуспешно клеишься второй год.

– Анечка – наш человек. А эта – дикарка!

– Ты хочешь сказать, что она не привлекательна?

– Я не могу относиться к ней так же, как к Анечке... Да и вообще, ты прекрасно понимаешь, о чем я.

– Ты намекаешь, что она шелушится?

– Ну, в общем-то, да.

– А ты ее шелушил? Или у тебя шелушение слишком развито?

– Все у меня, как у всех.

– Зато ты не как все. Ты обаятельный.

– Возможно. Пойду, приму ультразвуковой душ. А то как-то не по себе после всех твоих намеков...

* * *

Малиновый кабриолет припарковался прямо у входа в «Занзибар», под знаком «стоянка и остановка запрещена». Посетители ночного клуба, курящие на улице, с интересом разглядывали машину – и парня, который на ней приехал, конечно. Одет он был в темно-серый костюм. Пиджак – двубортный, галстук – малиновый, под цвет автомобиля, рубашка розовая.

– Что за клоун? – спросила у подруги Ксения.

– Первый раз вижу, – ответила та.

– Может, чей-то водитель?

– Машина незнакомая. Да и стрижка у него на водительскую не похожа...

Пострижен парень был, в самом деле, причудливо – блестящие черные волосы закрывали уши, лежали, казалось бы, в беспорядке – но любая девушка могла поручиться, что совсем недавно парню делали укладку. Очень уж художественным был беспорядок.

– Голубой?

– Вряд ли...

На ходу вручив швейцару ключи от автомобиля и купюру, молодой человек направился к дверям. Но, не дойдя до них каких-то двух шагов, резко повернулся, оказавшись лицом к лицу с Ксенией.

– Сражен вашей красотой, – приятным баритоном проговорил он.

Девушка фыркнула. Стоит только надеть мини-юбку – и пять таких подходов за вечер гарантированы.

– Прямо-таки наповал?

– Практически. Не разрешите ли присоединиться к вашей компании? Я чужой здесь.

Ксения пристально взглянула в глаза парня.

– Разве это наши проблемы?

– Нет. Но я надеялся, вы мне не откажете, – он выглядел совершенно спокойным. Может быть, даже отчужденным и незаинтересованным.

– Смотри в чем, дружок, смотри в чем, – усмехнулась Ксения. Этому парню, видно, палец в рот не клади. – Зовут тебя как?

– Василий.

– Хорошее имя. У меня кот – Васька.

– Вот видите! – парень доброжелательно улыбнулся.

Ксения вскинула бровь и кивнула – пойдём с нами. Василий галантно, без суеты пропустил их вперед и уверенной походкой вошел следом. По сторонам он не оглядывался, словно бы ходил в клуб каждый день. Хотя Ксения была уверена – она видит его в «Занзи-баре» первый раз.

* * *

– Ты славный, Вася! – после пятого коктейля Ксения улыбалась немного чаще и шире, чем нужно, но по сравнению с Мариной, которая постоянно глупо хихикала по поводу и без, держалась просто отлично.

– Спасибо. Мне лестна ваша оценка.

Казалось бы, парень говорил высокопарно, но звучало это так естественно, что хотелось улыбнуться ему, согласиться, спросить что-то еще. А потом – взять за руку, может быть, даже прижать к себе...

– Поедем, покатаемся? – спросил Василий.

– Все вместе? – Ксения взглянула на молодого человека удивленно. Пожалуй, она слишком поспешно выразила свое недоумение, но как тут не возмутиться... Хотя, возможно, он предполагает, что они завезут Марину домой. Или что она не захочет поехать...

– Кататься! Кататься! – радостно закричала Марина. – У тебя такая классная машина! Какой марки?

– Ее собирали по спецзаказу, – широко и спокойно, без всякого оттенка хвастовства улыбнулся парень. – Это несерийная модель. Единственная в своем роде.

Марина даже слегка рот приоткрыла. Дура. Могла бы и догадаться, что ее кататься зовут только из вежливости. Ведь за столиком он не спускал глаз с Ксении. А с ее подругой говорил, только когда она сама что-то спрашивала.

Василий расплатился, оставив «на чай» неприлично большую сумму, и они не торопясь вышли на улицу. Автомобиль уже стоял у входа. Марина поспешно влезла в кабриолет – хорошо, хоть на заднее сидение. Ксения тоже не стала садиться вперед. Не хватало еще. Пусть знает – никто к нему в объятия падать не собирается. Хотя так хочется...

Автомобиль сорвался с места резко, но без пробуксовки. Хорошая резина, опытный водитель. Девушки едва не упали друг на друга. Василий, глядевший в зеркало, усмехнулся. Без ехидства – просто ему было забавно, и ничего тут обидного нет. Ксения бы сама посмеялась в таком случае. С их новым знакомым на самом деле было весело и хорошо.

– А музыка у тебя есть? – спросила Марина.

Василий кивнул, нажал на сенсор панели управления. Звук был не хуже, чем на аппаратуре «Занзибара», хотя машина мчалась по шумной улице.

– Что за группа? – поинтересовалась Ксения. – Странные песни какие-то...

– «Мельница», – ответил парень. – Я думал, ее вся столица слушает.

– В клубах такое не крутят.

– Смотря, в каких клубах.

Машина вырвалась за город неожиданно быстро – словно бы до кольцевой было километра два, а не двадцать. Марина, качавшая головой в такт музыке, уснула, привалившись к обитой кожей мягкой дверце. Василий сделал музыку тише, но выключать проигрыватель не стал.

– Куда мы едем? – поинтересовалась Ксения.

– А ты как хочешь?

– Это вопрос второй. Ты ведь куда-то меня везешь?

«Меня» а не «нас» она сказала нарочно – Василий возражать не стал. Действительно, он вез ее. С подругой.

– Куда глаза глядят. Здесь речка поблизости. Хочешь?

– На речку? – Ксения удивилась. – Ну, поехали...

Через пару километров кабриолет свернул на темную проселочную дорогу, а потом с асфальта – на грунтовку. Яркий свет фар выхватывал из темноты причудливо скорчившиеся вдоль обочины кусты. Несмотря на то, что машина практически не снизила скорости, а дорога была в ямах, почти не трясло – только мягко качало. Марина мурлыкнула во сне.

Река извивалась во тьме, как огромная змея, или призрачная дорога. От нее поднимался пар.

Василий остановил автомобиль прямо на песчаном берегу, вышел из машины, открыл дверцу Ксении. Та осторожно ступила в мягкий песок.

– Искупаемся? Вода теплая, – предложил он.

Девушка в изумлении воззрилась на нового знакомого.

– У меня и купальника нет...

– Тебя это смущает?

Ксения усмехнулась, расстегнула блузку, бросила ее на заднее сидение. Бюстгальтера на ней не оказалось.

– Может, ты все же отвернешься?

Василий смотрел на нее, не отводя глаз, но как-то странно. Без вожделения, без смущения – только с некоторым любопытством. Словно бы девушки раздевались перед ним каждый день. Может быть, он доктор? Но ведь она не на приеме...

– Да, конечно... – парень аккуратно потянул через голову рубашку, расстегнул ремень на брюках.

В воду они вошли, держась за руки. Песок быстро закончился, дно стало илистым, вязким.

– Я не хочу здесь купаться... Ногам противно, – тихо сказала девушка.

Василий подхватил ее на руки, понес вперед. Ксения подняла руки, обняла молодого человека за шею. Потом погладила по щеке, отстранила длинную прядь с уха... Его губы были так близко... Пахло от него восхитительно – чем-то свежим и притягательным. Но вместо романтического поцелуя девушку ждала большая неожиданность. Молодой человек швырнул ее в воду, а сам несколькими мощными гребками вылетел на середину реки.

Ксения была так ошарашена, что даже ничего не сказала, когда отплевывалась от пахнущей тиной речной воды. Да и что здесь говорить? Надо только догнать этого Васю и врезать ему от всей души.

Но Василий, как ни в чем не бывало, кричал с середины реки:

– Плыви сюда! Как вода, нравится?

Может быть, он сумасшедший? Или не понял, чего она от него хотела? Так ведь не мальчик уже, вроде...

Ксения не спешила на зов, и Василий приплыл сам.

– Представь, сейчас Маринка проснется? – с почти детским восторгом сказал он. – Лес, тишина, и никого...

– Ты любишь людей пугать?

– Нет, не особенно.

– Зачем тогда кинул меня в воду? – строго спросила Ксения.

– Мы дошли до глубокого места. Можно было плыть.

– А... Понятно. Не мешало бы предупредить.

– Ты разве не почувствовала, что я уже весь в воде? Извини.

Ксения вцепилась в ухо парня острыми ногтями, с силой выкрутила его:

– Никогда больше так не делай. Понял?

– Понял. Отпусти, – терпеливо попросил Василий.

– Компенсацию не хочешь? – Ксения опять придвинулась к парню вплотную.

И тогда он поцеловал ее. Так, что девушка не почувствовала под собой дна, хотя воды было только по грудь. А потом на руках вынес из воды. Правда, почему-то при этом отворачивался.

* * *

Домой ехали медленнее, чем на реку. Проснувшаяся Марина недовольно ворчала, требуя срочно заехать куда-нибудь и выпить чашечку кофе – у нее болела голова. Василий достал из кармана пиджака серебряную фляжку с коньяком, отдал девушке. Та, вроде бы, удовлетворилась предложенным напитком – коньяк не был горячим, но от головной боли помогал.

Ксения на нового друга старалась не смотреть. Тогда, в реке, он почти оттолкнул ее. Поцеловал раз, другой. И потащил к берегу. Это нормальный мужчина? Плюс ко всему, на ней почти ничего не было... И она сама так недвусмысленно к нему льнула. Надо же было так опозориться...

– Мариночка, где ты живешь? – подал голос Василий. – Мы тебя отвезем.

– На Каширском шоссе.

– Поворачиваем туда. Ты ведь не против, Ксения?

– Нет.

Ей тоже хотелось коньяка, но не хватало еще пить из фляжки в машине... Тем более, из его фляжки.

У подъезда своего дома Марина расцеловала Ксению, потом повисла на Василии, намереваясь его облобызать – явно не по-сестрински. Ксению утешило только то, что парень безразлично отворачивался и смущенно поглядывал на нее.

– Мне в Сокольники, – бросила Ксения, пересаживаясь на переднее сидение. Василий пристально всмотрелся в ее лицо.

– Может, поедem ко мне?

– Вот так, сразу?

– Почему нет?

– А зачем? Что мы будем там делать?

– Покажу тебе свою библиотеку, – Василий улыбнулся.

– Ты полагаешь, мне интересно разглядывать пыльные книжки?

– У меня есть джакузи.

– Намекаешь, что речную тину неплохо смыть? Или твое предложение более непристойно?

– Как тебе будет угодно. К тому же, ко мне в два раза ближе, чем в Сокольники.

– Если тебе тяжело меня отвезти, возьму такси.

– Мне бы очень этого не хотелось.

– Ладно, поехали. Но на многое не надейся.

Опять играла музыка, машина мчалась по ночному городу, словно бы не по асфальту, а по воздуху. Василий гладил колено Ксении, та тихонько мурлыкала – так нежно и бережно он это делал.

Целоваться они начали еще в подъезде. Когда оказались в просторном холле, Ксения прошептала:

– Не надо никакого джакузи.

– Нет, давай примем душ.

– Я не хочу!

– Но после речки...

Глаза девушки яростно сверкнули:

– Если ты не хочешь или не можешь, так и скажи!

– Я могу... Но надо принять душ.

– Ты намекаешь, что я грязная? От меня плохо пахнет? Или ты помешан на чистоте?

– Ты шелушишься, – жалобно прошептал Василий.

Ксения резким движением откинула прядь черных волос с уха молодого человека, застонала и вlepила ему пощечину. Тот не попытался защититься.

– Скотина! – девушка хлопнула дверью, сбежала вниз по лестнице, уже на улице вызвала по телефону такси.

* * *

Василий позвонил на следующий день после полудня. Ксения несколько не удивилась, услышав его голос, хотя телефонами они не обменивались.

– Я люблю тебя, – прошептал он в трубку. – Я влюбился вчера. В машине. У тебя такие дивные колени... Они так терпко шелушатся...

– Не мели ерунды.

– Я говорю правду. Мне все время хочется быть с тобой.

– Вчера вечером у тебя была такая возможность.

– Ты отказалась принимать душ...

Ксения скрипнула зубами.

– Что ты себе позволяешь, урод?

– Я не урод. Самый обычный жабрианец.

– Конечно, вы не считаете себя уродами. Скорее, вы суперсущества... Великие и мудрые... Только зачем тебе тогда я?

– Я уже сказал. Я тебя люблю.

– Может быть, дело вовсе и не во мне? А ты через меня подкапываешься к отцу? Он недавно говорил что-то о том, что вас пора прижать... Закрыть вашу миссию, вышвырнуть с Земли.

– Нет, мне нужна ты. Я все объясню. Лично. Можно?

– Приезжай, – сдалась Ксения. Она просто не могла противиться его голосу. – Только у меня нет ультразвукового душа.

– Думаю, теперь это неважно...

Поджидая жабрианца, Ксения то и дело выглядывала в большое окно и барабанила пальцами по подоконнику. Что с ней происходило? Она прогоняла парней за гораздо меньшие провинности. Высмеивала, унижала, третировала, если они имели глупость оставаться с ней. И уж никому не простила бы она столь бесцеремонное предложение принять душ. Что она, грязнуля, или дикарка? Правда, жабрианцы понимают под душем совсем не то, что люди... И они, в самом деле, стоят выше в развитии. Поэтому ее так и тянет к этому Василию, настоящее имя которого, наверное, и выговорить нельзя...

Обаятельность, совершенство, уверенность в себе так и сквозят в каждом его жесте. Интеллектуальный коэффициент жабрианца в полтора-два раза выше, чем у среднего человека. К тому же, они могут воздействовать на психику на уровне подсознания. За что их и хотят лишить лицензии на торговлю с землянами. Но важно ли это сейчас? Он нужен ей. И утверждает, что любит...

* * *

Василий сидел за кухонным столом и пил чай. На этот раз его роскошные волосы были собраны в хвост. Жабры отчетливо виднелись за ушами. Они были слегка покрасневшими. Еще бы – еще в прихожей он схватил руки Ксении и стал прижимать их к голове – словно бы нюхать жабрами. Лицо у него при этом было блаженное.

– Я на самом деле получил задание очаровать тебя, – признался он. – Но не смог пере-силить отвращения. А потом понял, что люблю.

– Урод. У тебя хватает наглости такое говорить, – Ксения усмехнулась. – Ты просто чокнутый!

– Да, с твоей точки зрения я и правда в чем-то урод... И сумасшедший... Мне не хватало женской ласки. Но это все причины. А следствие – то, что я влюбился. Сейчас имеет значение только это. Понимаешь?

– Полагаешь, я тебя прощу?

– Ты меня уже простила – иначе никогда не позвала бы к себе. Думаю, ты тоже меня любишь. Любовь гораздо более рациональна, чем кажется вам. Просто вы еще не разобрались в ней как следует.

Ксения уже замахнулась для удара, но опустила руку.

– Объясни. Почему вам так противны люди? И что изменилось в отношении меня?

– Ты ошибаешься, люди нам совершенно не противны. У нас общие предки, люди – такие же, как мы, многие из них даже красивее, здоровее. Женщины очень привлекательны. Только вы шелушитесь. И не замечаете этого.

– Я слышала, что это имеет для вас значение, но никогда не понимала, почему. Считала безобидным пунктиком инопланетной психологии. У вас что, сдвиг на гигиене? Вы боитесь заразы?

– Не в этом дело. Попробую объяснить – хотя аналогия не совсем верная... Представь, что ты попала в Париж семнадцатого века. В Версаль. Вокруг – блистательный двор какого-

то из Людовигов. Обворожительные, прекрасно одетые дамы, решительные, смелые, галантные кавалеры. Великолепные интерьеры, фонтаны, блеск золота и драгоценных камней...

– Просто сказка.

– Да, сказка, если смотреть ее в кино. А в реальности – дамы не мылись по полгода, кавалеры мочатся на шторы, чтобы не выходить по нужде во двор. Ты представляешь, какой там стоял запах? Как пахло от них – таких блистательных и красивых?

Ксения передернулась.

– На самом деле – ничего страшного, если к этому привыкнуть. Да, на лугу лучше, и сено пахнет приятнее. Но запахи пота и испражнений – естественные. Эскимосы тоже никогда не моются, и не скажут, что от человека воняет – если только он не болен. А мы, привыкшие принимать душ два раза в день, невольно бы сморщили нос, входя в их ярангу.

– Так от меня все же воняет?

– Нет, пахнешь ты прекрасно... Но ты шелушишься. Отлетают кусочки кожи, фрагменты волос, капельки пота. А наши жабры очень чувствительны. В этих кусочках кожи нет ничего плохого, но я воспринимаю их примерно так же, как ты – запах пота. Представь человека, который не смывал пот две недели, интенсивно работая. У него естественный запах. Никакой опасности в гигиеническом плане он не несет. Но приятным этот запах не назовешь. Так же и шелушение...

– Поехали к тебе. Я хочу в ультразвуковой душ, – бросила Ксения. – И прикрой свои жабры.

– Но мне приятно тебя шелушить.

– Это извращение. Ты сам себе станешь противен через некоторое время. Поехали, я не вижу ничего плохого в том, чтобы скинуть ороговевшую кожу и кусочки волос. Наверное, мы и правда чего-то не понимаем в этой жизни... Но у нас ведь нет жабр. И этого вашего шестого чувства нет.

– Да, вы не умеете шелушить. А иногда это так восхитительно... – Василий опять потянулся к ее голому колену.

* * *

– Быстро ты приручил эту дикарку, – хмыкнул Павел Ст Вмн Ых, разглядывая подписанный председателем лицензионной палаты документ. Он давал право вести торговлю на Земле через представителей, которые, в свою очередь, обязывались принимать ультразвуковой душ без заявлений о том, что такое требование является ущемлением их прав.

Василий покачал головой.

– Я на самом деле полюбил ее.

– Да ладно, расслабься. Контракт подписан на два года, кто будет председателем палаты к тому времени – неизвестно. Считай задание выполненным и отправляйся к Анечке. Может быть, она станет к тебе благосклоннее.

– Только скажи, что Ксения плохо шелушится – и я засуну тебя в пескоструйный аппарат.

– А она хорошо шелушится? – заинтересованно поинтересовался Павел. – Что ж, я рад за тебя, мой друг...

– И она каждый день принимает ультразвуковой душ.

– Да я ведь не спорю с тобой. Еще неделю назад мне приходилось убеждать тебя, что она – воплощение совершенства. Видел по оперативной трансляции, как она выкручивает тебе уши. Решительная девушка.

Василий круто развернулся и вышел из каюты. Павел посмотрел ему вслед с доброй улыбкой – работу свою молодой агент делал очень хорошо, порой даже слишком, с душой – и ласково прошептал:

– Извращенец...

Последняя апелляция

Падали, падали, падали листья в тюремный двор. Крупноячеистая сетка под высоким напряжением им не помеха. Так же, как и солнечным лучам – теплым, но не жгучим, мягким, осенним...

Мохнатый спал на откидной лавке возле стены, подставив лицо свету. Время от времени какой-нибудь лист опускался к нему на лицо, и тогда он скидывал его, или чихал, или снимал лапой. Нет, рукой, конечно... Но не поворачивается язык назвать такую шерстистую конечность рукой!

А крибер сидел на корточках на бетонном полу и раскачивался из стороны в сторону. Такая у криберов манера отдыхать. Я не устал и в отдыхе не нуждался – человеку трудно устать после двухмесячного пребывания в почти комфортабельной тюрьме, где не практикуются каторжные работы. Разве что морально. Но от моральной усталости спать не хотелось.

Задувающий в обнесенный бетонной стеной дворик ветер пах сырой землей и немного – хвоей. На вышках стояли, не шевелясь, совсем как столбы, пятиметровые молодые лендары. Благословенные и ненавистные лендары. Словом, все, как всегда: лес, ветер, охранники на вышках. Сибирь.

Правда, после войны Сибирь сильно изменилась. Взять те же деревья – сгорая, да и для того, чтобы лес быстрее рос, огромные площади засеяли листовыми породами. Да и теплее здесь теперь. Но все же дух чувствовался. И еще эта лагерная охрана – пятиметровые, с зеленой кожей древовидные инопланетяне.

Мохнатый, когда только попал в камеру, все расспрашивал о Земле. Он здесь в первый раз. Я ему рассказал о легендарной истории Сибири и ее вкладе в каторжное дело, об обустройстве нашей планеты после войны. Тогда Мохнатый сильно заинтересовался – не с лендарами ли мы воевали. Нет, не с лендарами, конечно. Куда нам с ними воевать? Да и разозлить их трудно – гуманисты, как прежде выражались, когда гуманнее людей никого не знали. Хотя где уж людям до лендаров по так называемой «гуманности»? А если лендаров хорошенько раззадорить – точнее, поставить в соответствующие условия – они просто проползут планету, да засеют заново. Но у нас «прополки» делать не стали. Видно, некоторые особи рода человеческого им весьма понравились. И из-за нескольких праведников и остальные спаслись. Подонки вроде меня.

Воевали мы между собой, конечно. Ограниченный обмен ядерными ударами, потом полноценный обмен ядерными ударами – чтобы никому мало не показалось. И половина населения планеты под руинами. И еще половина гибнет от болезней, голода и холода. Три года ядерной зимы. А потом корабль лендаров появляется на орбите, и инопланетяне делают щедрое предложение помощи.

Нет, если посудить трезво, внешнее управление на девяносто девять лет стало для людей настоящим спасением. Еда в обмен на свободу, тепло как замена гордости. Очень неплохо.

А лендары оказались не просто продвинутыми ребятами – очень продвинутыми. Не успели люди опомниться, как они предложили новую программу: по очистке верхних слоев атмосферы от пыли – последствий ядерной войны, причины ядерной зимы. Операция дорогостоящая и энергоемкая, конечно. И наши благодетели предложили за свою работу всегоничего: право аренды Австралии, Южной Америки и Сибири, а также акватории Тихого океана сроком на девяносто девять лет. А что нам та Австралия, когда людей осталось полтора миллиарда?

Лет двести-триста, по прогнозам, если не принимать мер, зима должна была длиться. Так что лучше отдать на тысячу лет часть территорий, чем не пользоваться триста лет почти всеми.

После заключения соглашения нам оставалась Африка, колыбель цивилизации. Европа, древний культурный центр. И Северная Америка. Ну, не будем конкретизировать, чем она в последнее время являлась для человечества... Плюс Антарктида, и разные острова. Консолидированное правительство пыталось обменять ее на Австралию, но лендары вежливо отказались и оставили Антарктиду нам. Потому что даже после модификации климата этот континент так и остался большим куском льда.

Замечу, что лендары не собирались вывозить наши природные ресурсы. Даже пункт об этом в протоколе был. И экологическую обстановку они нам усложнять не намеревались. Просто им нужны были площади.

В Южной Америке сделали огромный национальный парк и туристический центр. Чем лендары занимаются в Австралии – понятия не имею. Информация секретна. А в Сибири оборудовали тюрьму. Точнее, много тюрем. Для разных существ, с разными условиями содержания. Ну, надо ведь гуманным лендарам содержать где-то вместилищную образцово-показательную тюрьму?

Наш сегмент – для закоренелых преступников. А мы так вообще сидим в подобии камеры смертников. Я – за террористическую антигосударственную деятельность. Поймали меня на ерунде, когда я попытался вплавь перебраться через Панамский канал, чтобы провести акцию протеста против программы «Еда в обмен на лояльность». До этого взрывал составы с продовольствием, идущие из Сибири в Европу и на Ближний восток. В Сибири ведь не только тюрьма. Здесь и космодром, и огромные теплицы за полярным кругом. Специально для нас, людей. Чтобы нас подкармливать. Топил танкеры со спиртом. Похищал чиновников марионеточной администрации. С целью дестабилизации работы, конечно, не для выкупа. И не убили мы из них никого, хотя некоторые заслуживали...

Выяснилось, что лендарам об этом очень хорошо известно. Мне вменили потерю имущества на астрономическую сумму – три миллиона рублей. Лояльные лендары даже расчеты ведут на Земле в местных валютах: рублях, долларах, рупиях, юанях... Плюс похищения. Словом, мало не покажется.

Мохнатого привезли сюда с родной планеты. Там он проник на территорию посольства лендаров, спасаясь от разъяренной толпы, которая намеревалась его линчевать. За что – он скромно умалчивал. Но чтобы настроить против себя толпу дсенов – так называлась галактическая раса, живущая на планете Дсен, к которой принадлежал Мохнатый – нужно было сильно постараться. Дуэли у них – такое же обыденное дело, как у нас до войны были драки в барах, а один из самых популярных видов наказания – удушение собственными кишками. Так что собрать толпу, а не быть удушенным парой-тройкой особей – почти подвиг.

Гуманные лендары не выдали Мохнатого соплеменникам – так как знали, что того, если и не убьют сразу, то поджарят на медленном огне или мелко порежут. Возврата на Дсен ему не было. Но и дать беглецу убежище лендары не могли. Создался бы прецедент. Поэтому, усмотрев в проникновении на территорию посольства тяжкое нарушение, они отправили его сюда, в Сибирь.

Что касается крибера, он общался с нами редко, и на посторонние темы. За что его привлекли, я не знал. Мне, по большому счету, было все равно, что за галактическая сволочь сидит в камере. Я-то боролся за свободу своей Родины, Земли. За то, чтобы люди зарабатывали на жизнь, трудясь самостоятельно. Развивались, а не прельщались дармовыми кусками со стола лендаров. Пусть мы должны на тысячу лет лишиться Австралии и Южной Америки за очистку планеты от пыли – против этого я ничего не имел. Но отдать свою свободу и возможность развиваться за сытый кусок – нет уж!

Может быть, Мохнатый и крибер тоже были неплохими ребятами. Но у Мохнатого была психология заключенного – он и дома из тюрьмы и психбольницы не вылезал, сам признался. А крибер – темная лошадка. Так что презрения я к сокамерникам не испытывал, но и особого интереса – тоже. Сибирь вообще должна быть свободна! И от теплиц, и от тюрем.

Наказание нас ждало одно. Точнее, не наказание, конечно. Разве могут гуманные лендары кого-то наказывать? Они могут только помогать. И нам они собирались помочь. Стереть наши прежние личности. Записать на подкорку личности модифицированные. Разве это убийство? Ведь тела наши останутся целыми и почти невредимыми. Только для меня смерть души – страшнее, чем смерть тела. Так уж я воспитывался.

И пусть душе моей не может повредить ничто – все же манипуляции с сознанием, потеря прежней личности – это почти смерть. Как бы ни отгораживались от этого факта гуманные лендары.

Листья словно замерли на мгновение в воздухе – словно по чьему-то приказу. Крибер перестал раскачиваться, поднялся на свои тонкие ножки, уже осознанно кивнул головой, привлекая мое внимание, и заявил:

- Личность нам будут модифицировать завтра.
- Откуда ты знаешь?
- Выяснил.

Почему нет? Криберы – телепаты, они способны на такие штуки, что другим и не снились. Большую часть времени они вообще живут не в этом мире, а в некой сети, созданной совокупностью их сознаний. Всех криберов со всех планет. Там все совсем не так, как в реальности. И своим «внутренним» миром криберы дорожат больше, чем реальным. Хотя, по большому счету, кто знает, какой мир для них более реален? Для тех, кто умер и существует только как запись функций в сознании других, он и есть самый реальный. До так называемого «физического» мира оставшимся как память криберам и дела никакого нет. Так что нашего крибера и его виртуальных спутников завтрашняя процедура, наверное, пугает еще больше, чем нас.

– Мохнатый! – окликнул я нашего третьего сокамерника. – Слышишь, что говорит крибер?

– Слышу, не глухой, – с закрытыми глазами отозвался дсен. – Что ж, значит, так на роду написано. Просветят мне завтра череп, и выйду я на волю другим – бескомпромиссным и кровожадным.

- Заговариваешься? Кровожадность-то тебе точно сотрут.
- Вовсе нет. Знаешь, за что меня едва не убили на Дсене? За мою попытку уладить миром одно спорное дело. У нас так не принято.
- А как у вас принято?
- Перегрызать глотки.
- Ты не перегрыз? Оказался слабее?
- Я не стал, хотя имел возможность. Меня за это собирались убить. Но я не хотел умирать. Тоже аномалия. Наши благодетели-лендары исправят и ее. Я выйду кровожадным, агрессивным и готовым умирать. Отправлюсь на Дсен с новыми документами. А что будет там – какая разница? Ведь туда полетит мое тело, но не я. Я растворюсь здесь, в воздухе вашей планеты. И буду бродить неприкаянным. Наверное, так.

Слышать такие сентиментальные речи от огромной боевой машины – то ли человека, то ли льва с могучими мышцами и острыми зубами было, по меньшей мере, забавно. Если бы завтра и я не лишился своей личности.

– Странно, что тебе они хотят привить те навыки, зачатки которых намерены искоренить у меня, – заметил я.

– Лендары очень консервативны, – пояснил крибер. – Они никогда не идут против воли всего народа. Если у дсенов положено убивать друг друга, они будут этому способствовать – хотя сами и мухи не обидят, и травинки не съедят.

– Да уж... Они получают энергию от фотосинтеза в собственном организме... – вставил Мохнатый. Можно подумать, мы этого не знали.

– А ты нарушаешь каноны своего народа, – менторским тоном продолжил крибер. – Твои соплеменники любят хорошо питаться и ничего не делать. Ты же идешь против всех. Вредишь лендарам и своим соплеменникам. Поэтому твое сознание видоизменяет – и ты тоже будешь с удовольствием есть вкусную пищу и радоваться, что работы совсем немного, а развлечений – вдоволь.

– То есть, был бы я дсеном, им бы и в ствол не пришлось менять мою личность?

– Конечно.

Мохнатый тяжело вздохнул.

– Если процедура назначена на завтра, сегодня вечером мы имеем право на последнюю апелляцию. Может быть, тебе, Егор, стоит подать прошение о переезде на Дсен?

Я невольно вздрогнул.

– Если я не совсем нормален по земным меркам, это не значит, что я самоубийца. Жить среди твоих соплеменников – уволь! К тому же, моя Родина – здесь. И я не хочу ее покидать!

– А я бы с удовольствием покинул, – вздохнул Дсен. – Но на иммиграцию в некоторые миры имеют право лишь полноценные особи. Те, у кого уровень самооценки выше определенного уровня. А у меня с самооценкой беда. С детства шпыняли, и я сам начал чувствовать себя слабым, забитым существом – без зубов, без когтей...

– Человеком, – усмехнулся я.

– Между прочим, любой узник здешних тюрем после освобождения имеет право остаться в Сибири на вольном поселении, – заметил крибер. – Так гласит закон лендаров. И, по согласованию с консолидированным правительством Земли, даже получить возможность жить на любом континенте планеты. Климат здесь очень неплохой.

– И многие остаются? – удивился я. Прежде не доводилось видеть в Африке или в Америке чужаков.

– Немногие выходят из тюрем, – усмехнулся Мохнатый. – Тюремь везде одинаковы. А я бы не против побродить по здешним лесам. Даже в другом облике – лишь бы не бестелесным призраком. А, крибер?

Последнего восклицания я не понял. Крибер-то каким боком может повлиять на исполнение желания дсена? У него-то самого таких диких желаний попросту нет. Ему без разницы, где сидеть – в тюрьме, или на воле. В тюрьме даже лучше: полное обслуживание и кормят бесплатно. В свой виртуальный мир он погружается без проблем. Если бы только не завтрашнее изменение личности...

Но крибер, как ни странно, очень живо отреагировал на реплику дсена.

– Я подумаю, – сказал он, и тут же уселся посреди двора, вновь начав раскачивать головой.

– О чем вы? – поинтересовался я.

– Ты знаешь, за что сидит крибер? – вопросом на вопрос ответил Мохнатый.

– Не интересовался. А ты знаешь?

– Я – знаю. За неоказание помощи.

– Поганая статейка. Не очень-то хорошо не оказывать помощи тем, кто в ней нуждается. Так я думаю.

– Ты прав, – согласился Мохнатый. – Только у криберов неоказание помощи – совершенно другое понятие. Согласно своим обычаям они должны не только болтаться в своей виртуальной вселенной, но и оказывать помощь другим существам. Наш крибер отказывался

от этого наотрез. Вот его и послали на исправление. Теперь, после перепрограммирования, он будет оказывать помощь.

– Но ведь он тоже будет уже не он?

– Думаю, криберам проще. Их сознание очень сложное. Но очень неприятные ощущения и потеря части информации его, несомненно, ожидают. Этого он и боится. Поэтому и задумался.

– Над чем? Он прежде не знал, что ему предстоит?

– Надеялся выкрутиться, может быть. Или откладывал до последнего. Я ведь давно ему предлагал сделку.

– Какую?

– Обмен сознаниями.

Несмотря на серьезность разговора и трагичность момента я расхохотался.

– Ты хочешь стать крибером? По-моему, это уже чересчур – всю жизнь быть ловким, могучим и быстрым существом, и превратиться в хилого задохлика, который с трудом передвигается. Да и аппаратуры соответствующей в камере нет и быть не может. Разве что тюремные власти пойдут вам навстречу...

Мохнатый оскалил зубы.

– Не вам. Нам. Я не собираюсь меняться сознанием с крибером. Я хочу произвести обмен с тобой.

Я хмыкнул.

– Неплохой обмен! Многие африканские девчонки, когда я окажусь в твоей шкуре, будут моими! И остаться на Земле можно будет, как недавно объяснил наш сокамерник – знаток законов... Только один момент – все равно сознание наше изменят. А обмен производить не позволят. Да и стоит он бешеных денег – у меня таких нет. К тому же, вряд ли тебе понравится в моем теле. Хотя мне всего двадцать семь лет, есть некоторые проблемы с позвоночником – после прыжка с моста через Нил, и часто ноет на погоду нога – мне ее прострелили на Урале.

– Значит, ты согласен на обмен? – приблизил свою волосатую физиономию прямо к моему лицу Мохнатый.

– Теоретически – да. Ведь лучше сохранить разум с чужом теле, чем потерять его в своем. Но все это пустая болтовня!

Мохнатый нахмурился.

– Вовсе нет. Мы меняемся сознаниями. Подаем апелляцию. Повторное обследование показывает, что каждый из нас «исправился» – ты получил нужные баллы по шкале лояльности, а я – по шкале независимости и самооценки. И нас отпускают.

– Так просто?

– Лендары соблюдают и дух, и букву закона. Они не наказывают и не мстят. Они делают, как лучше.

– Только ты забыл об аппаратуре.

– Вот она, – кивнул Мохнатый на крибера.

– То есть?

– Крибер – готовый механизм для перекачки сознания. Гораздо более надежный, чем механические устройства. Он поможет нам. Бескорыстно. И тем самым наберет недостающие ему баллы. И тоже выйдет сухим из воды.

– Можем ли мы доверяться существу, даже имени которого не знаем?

Мне стало не по себе настолько, что даже пальцы похолодели.

– Криберы имеют много имен, – наставительно сообщил Мохнатый. – Гораздо лучше называть его просто – крибер, не обольщаясь относительно его личной сущности. Потому что он и не личность, в полном смысле этого слова.

– Чего тогда ему бояться?

– Того же самого, что и нам. Изменения. Духовной смерти, – не слишком понятно объяснил дсен.

Крибер вышел из транса, повернул к нам огромную голову и сообщил:

– Я готов.

– И я готов, – тут же отозвался Мохнатый.

– Наверное, я тоже не откажусь, – вздохнул я, удивляясь себе.

И почувствовал, как погружаюсь в ледяную пучину.

Разум мой барахтался в ней, как показалось, долгие годы. Время от времени я что-то видел, ощущал чье-то присутствие. То дсена, то крибера, то чьих-то теней. Тени кричали: «Мы не выпустим тебя отсюда! Ты наш и только наш!» Но приходил Мохнатый и успокаивал: «Все происходит в тюрьме. И это очень удачно. Криберу не выпутаться, если он просто сожрет наше сознание. Ему придется вернуть нас в наши новые тела»...

Долгим, очень долгим был этот кошмар.

Когда я очнулся, солнце клонилось к горизонту, задевало за бетонный забор тюрьмы. На лицо мне опустился лист. Я чихнул, встряхнулся и понял, что различаю теперь девять цветов.

– Мы требуем адвоката! – кричал противным высоким голосом лысый коротышка, обращаясь к камере слежения. Точнее, он был не совсем лысым – на голове росла какая-то шерсть. Не очень много. Одет коротышка был в мою одежду. И лицо у него было мое – искаженное, впрочем, гримасой брезгливости и раздражения. – Мы желаем подать последнюю апелляцию!

Надо ли говорить, что нашу апелляцию удовлетворили. Ведь мы соответствовали предъявляемым инопланетянами для наших рас стандартам. Мохнатый, получивший в наследство от меня имя Егора Забелина, устроился в администрацию лендаров и начал активно сотрудничать с властями – на благо народов Земли, как он его понимал.

Я получил разрешение уехать в Африку – и решил на некоторое время «лечь на дно». Не стал налаживать контакты с прежними товарищами, на время отошел от политической деятельности, проводя время в приятном обществе и бродя по саванне, ничуть не пугаясь генетически воскрешенных львов, гиен и прочей зубастой мелочи, вроде гепардов, с которыми я часто бегал наперегонки. Львы, как правило, уступали мне дорогу. А если нет – приходилось устраивать им небольшую трепку.

Девушки, как я и предполагал, относились ко мне очень хорошо. Ведь я был не только сильным, но и ласковым. «Мохматым» они меня не называли – разве что «Котеночком». Так постепенно я стал Егором Котовым.

Куда исчез крибер – я не знаю. Может быть, улетел на свою планету. Или остался работать в тюрьме. Сдается мне, что с лендарами у него был заключен контракт. В конце концов, лендары – не полные идиоты, и тоже могут просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. Так что не случайно, наверное, мы оказались в той камере втроем...

А пока лендары остались в выигрыше даже больше, чем я и прежний Мохнатый. Без всякого вмешательства, на сугубо добровольной основе, ими был получен ценный работник администрации и сравнительно добродушный, уверенный в себе дсен. Впрочем, мы ведь избежали уничтожения своих личностей. Также неплохо.

В облике дсена я пока стесняюсь взрывать мосты. Может быть, мне передалась часть лояльности бывшего хозяина этого тела? Или взаимодействие с чужими разумами дало мне возможность по-другому оценить проблему землян? Ведь корни наших проблем лежат не в деятельности лендаров, а в нас самих... Но если я все же решусь возобновить войну – древовидные пожалеют о том, что дали мне возможность остаться в живых.

Вариатор

Тяжелые листья магнолий чуть слышно шелестели под утренним ветром, несущим ароматы цветов и фруктов. Особенно сильно пахло бананами. Обернувшись, Кирилл понял, почему. Прямо позади него над улицей плыла связка «бананов на шару». Дети не бежали за бананами с радостными воплями. Связка плыла достойно, в полной тишине. Кого теперь удивишь бананами, даже на шару, или, если угодно, на шаре? Называли летающие фрукты и так, и эдак... Оба названия были, в общем-то, верны. Бананы, поспев, улетали от места произрастания на наполненных водородом шарах, и доставались расторопным прохожим совершенно бесплатно. Появились новые фрукты лет десять назад. Вкус у них был медовый, волшебный.

Ветер стал сильнее. Кирилл поспешно пригнулся, и бананы пролетели над ним, стукнули по затылку высокого седого дворника с длинной метлой. Дворник разразился бранью.

– Мог бы предупредить, – перестав ругаться, зло бросил он молодому человеку.

– Я же не знал, что так выйдет. Но ничего страшного! Главное, что мы вас любим, – улыбнулся старику Кирилл.

– Люби, люби, идиот, – мрачно ответил дворник.

С некоторыми стариками случались порой вспышки немотивированной агрессии. Бывало, они отказывались подчиняться общепринятым правилам. Вот и дворник – что ему стоило потратить двести миллилитров для защиты от мелких неприятных случайностей? Пожалел. Или принципиальный? Встречались и такие ортодоксы...

Розовое дерево – одни цветы, никаких листьев – по-прежнему алело под девятиэтажкой на Садовой улице, пробившись прямо сквозь асфальт. Хороший подарок девушке. Кирилл каждый раз по-доброму завидовал сообразительности пожелавшего розовое дерево. В пару литров задумка обошлась, наверное. Но за такой оригинальный подарок не жалко! А дарить своей девушке еще одно дерево уже не так интересно. Не сам ведь придумал.

На душе стало еще теплее, когда Кирилл подумал о своей девушке. Такая красавица, умница... Как роза. Говорят, раньше розы были с шипами. Даже в сказках об этом пишут. Так вот Инна была старинной розой. Иногда показывала свои шипы.

Вчера вечером, когда они сидели на скамейке, любовались горящими цветными полотнищами северного сияния, срывая крупный красный инжир с низких кустов, полностью скрывающих влюбленных от посторонних глаз, Инна спросила:

– Ты знаешь, почему мир устроен так, а не иначе?

– Потому, что мы любим друг друга, – ответил Кирилл.

– Нет, мне кажется, мы любим друг друга, потому что мир устроен так. Но как получается, что все счастливы?

– Потому что есть вариатор.

– А если бы вариатора не было? Его придумали не так давно.

– Тогда, наверное, жить стало бы тяжелее. Но вариатор ведь есть!

– И все равно, я не понимаю, – вздохнула Инна.

Иногда она была на удивление загадочной и меланхоличной.

– Я брошу все тайны мира к твоим ногам! – улыбнулся Кирилл.

– Крови не хватит, – нахмурилась девушка. – И вообще – пойдем. Я хочу спать.

Встала, и пошла домой. Даже не поцеловала на прощание.

Кирилл разозлился. Крови не хватит? У него есть не только кровь, но и мозги. Однако, хотя молодой человек и думал всю ночь, ничего путного ему в голову не пришло. Все-таки Кирилл был самым обычным парнем. Учился в университете – да кто там не учится? Занимался спортом. Читал книги. Жил, как все.

Поэтому с утра пораньше он отправился к вариатору. Не для того, чтобы узнать все тайны мира, конечно. На это и правда не хватит крови. А затем, чтобы выяснить главную тайну: почему люди любят друг друга? Почему почти все желания исполняются?

Огромный снежно-белый куб вариатора с нашлапкой круглой башенки возвышался посреди просторной площади Желаний. Несмотря на ранний час, к вариатору уже спешили одинокие люди. Некоторые выходили из дверей, бледные, но довольные. Они никуда не торопились.

Кирилл быстро пересек пустое пространство площади, толкнул огромную позолоченную дверь, вошел в холл, привычно поднял глаза к скрижали и прочел:

Не пожелай другим, что себе не пожелаешь.

Знай меру – все имеет свою цену.

Мы любим друг друга.

– Как это верно, – привычно подумал молодой человек. – Верно и правильно.

Не прочтешь надписи на скрижалях, не одобришь их всей душой, ничего у тебя не выйдет. Машина исполнения желаний откажется работать.

Зайдя в свободную кабинку, Кирилл закатал рукав рубашки, положил руку на стол.

– Готов, – сообщил он.

Из стены выдвинулась инъекционная система. Присоски зажали руку, автоматический шприц сразу нашел вену. Но прокалывать ее, как всегда, было больно.

– Ваше желание? – раздался механический голос из-под потолка.

– Я хочу знать, почему желания исполняются. Почему наш мир устроен так.

Недолгое молчание. Спустя несколько секунд голос ответил:

– Крови не надо.

– Почему? – возмутился Кирилл. – Я не желаю другим того, чего не желаю себе. Я готов платить условленную цену. Я люблю людей.

– Крови не надо, – повторил механический голос.

Присоски отпустили руку Кирилла, инъекционная система вернулась в нишу.

– Безобразие, – вздохнул Кирилл. – Я ведь всего лишь хочу знать! Любое знание доступно!

Голос ничего не ответил. Автомат не вступал в споры с людьми. Он или выполнял программу, или требовал слишком много крови, или не брал ее вовсе.

Кирилл вышел из кабины. Наверное, Инна задавала вариатору такой же вопрос. И он ей тоже не ответил, или потребовал несколько литров крови. А киберврач не разрешил. Если ты захочешь отдать всю кровь – кто тебе позволит? Поэтому девушка и бросила вчера презрительно: «крови не хватит».

Понурый и разочарованный, Кирилл спускался по сияющей мраморной лестнице, которая обычно вела людей к счастью. Внезапно правая нога заскользила, и молодой человек едва не опрокинулся на спину. Пытаясь обрести равновесие, он взмахнул руками и полетел по лестнице носом вперед, все сильнее разгоняясь на мраморных ступеньках.

– Вот тебе и патентованная защита от неприятных случайностей, – промелькнула отстраненная мысль в мозгу Кирилла. – Или это не неприятная случайность? А, напротив, самый что ни на есть конец? Чего не может вариатор, так это продлевать жизнь...

Выставив руки вперед, Кирилл протаранил пластиковую, сделанную под мрамор оградку, за которой уборщики держали свои веники, швабры, и тряпки. Во дворце вариатора всегда должно быть чисто, а пылесосы здесь никогда не включали. Традиция.

Растяпа-уборщик оставил люк, ведущий куда-то в служебные помещения подвала, открытым. И Кирилл, вместо того чтобы врезаться в стену, наткнулся на крышку люка и рухнул вниз с приличной высоты. На гладкий пластиковый пол. Хорошо, хоть в подвале не мостили пол мрамором!

Руки молодого человека были сбиты. Из носа текла кровь. Ногу он болезненно вывернул еще при падении на лестнице. Но в целом – легко отделался.

– Жив, – мелькнула радостная мысль. – Но как же быть с защитой от мелких неприятностей?

Двести миллилитров крови молодой человек сдал совсем недавно – пару лет назад. И считал себя полностью защищенным.

Впрочем, неприятность не была мелкой. Кирилл, похоже, сильно повредил ногу. К тому же, он не знал, куда идти. Темный коридор уходил в неведомые дали дворца вариатора.

Выбираться было нужно. Поднявшись, отряхнувшись и приложив к носу платок, молодой человек побрел по коридору. Ни дверей, ни окон. Только редкие светильники, едва рассеивающие мрак.

– Кто здесь ходит? И зачем? – подумал Кирилл. – Наверное, техники, обслуживающие вариатор... Хотя, нуждается ли эта машина в обслуживании? Скорее всего, она самодостаточна...

Что такое вариатор, молодой человек представлял смутно. Вариатор был таким же привычным атрибутом, как мобильный телефон, компьютер, общественные городские сады с фруктами на любой вкус, магазины с красивой и модной одеждой, открытые в любое время дня и ночи. В детстве, когда реализовать желание самому было трудно, и за Кирилла желал отец, вариатор представлялся ему добрым волшебником. Потом, в подростковом возрасте, когда наступил период разочарований, юноша считал вариатор обычной железкой. Кучей проводов и микросхем. Теперь, получив образование, Кирилл склонялся к мнению, что вариатор представляет собой огромный биокомпьютер. Недаром же люди, загадывающие желание, сдавали кровь. Скорее всего, она нужна была не только донорским центрам, но и требовалась для функционирования нейронных сетей компьютера.

Интересно было бы посмотреть на вариатор вблизи. Но можно ли его увидеть? Скорее всего, как единого целого вариатора просто не существует. Где-то стоит несколько блоков с микросхемами, где-то в баке с питательной жидкостью плавают биологические части машины, а элементы памяти и сенсоры разбросаны, наверное, по всему дворцу...

Размышляя, Кирилл добрался до первой двери. Толкнув ее, он переступил порог и оказался в большом светлом зале. Посреди зала плескался бассейн с прозрачной голубоватой водой. В воздухе над бассейном сияли две радуги – крест накрест. А из воды что-то вылезало.

Никогда прежде Кирилл не испытывал такого ужаса. То, что лезло из бассейна, напоминало гигантского спрута коричневого цвета. Щупальца, присоски, огромная голова, блестящая в свете ламп дневного света...

С трудом сдержав крик, Кирилл попытался ретироваться. Но дверь за ним захлопнулась и не желала открываться. Молодой человек, срывая ногти, пытался открыть дверь, одновременно оглядывая зал с бассейном. На другом конце был еще один выход, закрытый воротами, но до него никак не добраться. Туша спрута преграждала дорогу.

– И как он сюда попал? – лихорадочно соображал Кирилл. – Что это вообще такое? Протоплазма? Мозг, который управляет вариатором? Для мозга он слишком шустр...

– Я не мозг, – раздался голос в голове у Кирилла. – Я тот, кого вы зовете вариатором.

Кирилл замер, вглядываясь в тушу, которая вылезла из бассейна и устроилась на бортике. Веса в неведомом существе было минимум тонны три.

– Ты – вариатор? – мысленно спросил молодой человек.

– Вариатор. Я не причиню тебе вреда. Ты оказался здесь по моему желанию. Мне понравился твой вопрос. И я хочу задать вопрос тебе.

– Откуда ты знаешь, что я попросил? – задал вопрос Кирилл, и тут же осекся.

Непривычно было, чтобы кто-то знал о твоём желании. Желания – дело личное. И выполненные, и, особенно, невыполненные. Но если туша – и правда вариатор, то желание Кирилл загадывал ей... Ему... Этой мерзкой твари...

– Я не тварь, – обиделся вариатор. – Напротив, высокоразумное существо. Пусть и молодое. Ты в курсе, что мы с тобой примерно одного возраста?

Кириллу стало нехорошо, нога заныла ещё сильнее, и он присел на пол. Может быть, он сильно повредил голову при падении? И сейчас галлюцинирует?

– Разве я родился тогда, когда создали вариатор? – спросил он. – Отец рассказывал, что в его детстве вариатор уже работал. Когда ты появился? И, вообще, кто ты такой?

Существо, называющее себя вариатором, подползло по бортику бассейна ещё ближе к Кириллу.

– Меня привезли с другой планеты. Я меняю ткань реальности. Помогаю людям обрести то, что они хотят!

Кирилл неожиданно вспомнил о крови, которую каждый день отдавали люди, загадывающие желания. Литры, ведра крови... Вот куда они шли! На пропитание инопланетянина! Это кровосос! Настоящий кровосос! И сейчас ему прискучила донорская кровь. Он захотел настоящей – горячей и свежей!

Сдавленно вскрикнув, молодой человек вскочил, рванулся прочь от туши, припадая на больную ногу, побежал вокруг бассейна, пытаясь добраться до ворот.

– Представители моей расы не пьют кровь! – гремел в мозгу настойчивый голос.

– Да. Конечно, – мысленно огрызнулся Кирилл. – То-то ты выполз из своего бассейна навстречу мне. Живешь ведь, наверняка, в нем!

– Мне просто хотелось быть к тебе ближе. Лучше почувствовать тебя.

– Почувствовать? – испугался Кирилл ещё больше.

– Понять. Осознать. Я вернусь в бассейн.

– Возвращайся! – остановившись на безопасном расстоянии, приказал Кирилл.

Туша плюхнулась в воду. Брызги полетели во все стороны.

– Доволен?

– Пока – да. Так ты говоришь, ты – вариатор? Из-за тебя я сверзился с лестницы? Пожалуй, ты мне кое-что задолжал.

– Задолжал, – согласился инопланетянин. – И я отвечу на твой вопрос. А ты ответишь на мой... Часть ответа ты уже получил.

– Сначала – про тебя. Ты говоришь, что одного со мной возраста. Вас, выходит, много?

– Я один, – вздохнул инопланетянин, подплывая ближе к Кириллу. – Потому и дворец вариатора у вас всего один.

– Назад, назад! Не очень я тебе доверяю, – приказал юноша. – А лет тебе сколько?

– Триста сорок два по вашему счету, – ответило существо.

– Что ж ты тогда говоришь, что мы одного возраста? Опять врешь? Не очень-то это способствует доверию и взаимопониманию! Мне всего-то двадцать один!

– По вашим меркам ты достиг совершеннолетия. И я тоже. А на вашей планете я уже шестьдесят два года, если тебе интересно, – объявил инопланетянин. – Правда, время – понятие относительное...

– И ты – вариатор? – в который раз повторил вопрос Кирилл.

– Да. Работа такая.

– Понятно. Кровь ты не пьешь?

– Нет.

На этот раз Кирилл отчего-то поверил инопланетянину. Подошел к бассейну, встал на широкий бортик, взгляделся в синюю гладь. Вариатор плавал взад-вперед, едва шевеля щупальцами.

- Хочешь, прыгай в воду. Она теплая, – предложил инопланетянин.
- Спасибо, я уж здесь, – поблагодарил Кирилл. – Если тебе так удобно.
- Мне все равно.

– Тогда рассказывай. Почему ты работаешь на нас? Почему не захотел отвечать на мой вопрос в кабине? И вообще, для чего тебе кровь, если ты ей не питаешься?

Вариатор поднял одно щупальце с присоской над водой.

– На мне нет крови. Вся она консервируется... Раньше шла на нужды медицины, сейчас людей осталось мало, а желаний у них стало гораздо больше... Кровь – всего лишь эквивалент. Человек не может отдавать каждый день по литру крови. И процедура ее сдачи немного болезненна. Поэтому люди не загадывают слишком много желаний. И реальность меняется медленнее.

Кирилл присел на край бортика, свесил ноги, едва не коснувшись воды. Он был ошеломлен.

– Людей стало меньше? Куда они делись? Ведь мы живем так хорошо...

– Реальность изменена. Людям сложно представить, что их на планете шесть миллиардов. Каждому порой хочется одиночества... Или, напротив, стать более значимым. Это гораздо проще в небольшом коллективе. Поэтому гораздо лучше, когда на планете живет всего шестьсот тысяч человек. Как в не очень крупном городе в прежние времена... И все поблизости, пешком можно дойти... Так приятнее и удобнее.

– Ну да, – согласился Кирилл. – Все люди живут поблизости. А ты хочешь сказать, что когда-то нас было шесть миллиардов?

– Даже больше. И планета была гораздо больше.

– И куда делись люди?

– Реальность изменилась, – ответил вариатор. – Просто изменилась реальность. Теперь тех людей словно бы и нет. И не было никогда. Мир многовариантен. Мы уходим все дальше от центрального стержня.

– Ты можешь путешествовать по параллельным мирам? И тянуть планету за собой? – сообразил Кирилл.

– Не совсем так. Я меняю реальность. Реальность меняется со мной, люди меняются с реальностью. Вместе мы бредем по просторам вселенной.

Кирилл поднялся.

– Если ты умеешь изменять реальность, почему сам остаешься осьминогом, который плавает в маленьком бассейне? Тебе это в радость?

– Мне все равно. Но я могу создать свою проекцию. Теперь, когда ты увидел меня и поверил мне, незачем здесь оставаться. Мы пойдем в обсерваторию, там я кое-что тебе покажу.

– Хорошо.

Воздух рядом с Кириллом засеребрился, засиял, и словно из воздуха соткался молодой светловолосый человек, одетый в синий комбинезон, внешне чем-то похожий на Кирилла. Парень широко улыбнулся и сказал:

– Так будет лучше?

– Не знаю...

– Пойдем!

За широкой дверью, куда так мечтал попасть Кирилл, спасаясь от «чудища», обнаружилась широкая лестница, ведущая наверх. Вместе с проекцией вариатора Кирилл поднялся на самый верх, к куполу обсерватории. За трубой телескопа зеленело непривычно яркое после полутьмы подвала небо.

– Чай, кофе? – спросил молодой человек, указывая на кресло рядом с огромным телескопом.

- Бананов, – усмехнулся Кирилл. – На шару. С детства их люблю.
- Я закажу. Директор поищет на улице, – заявил вариатор.
- Директор дворца? Главный консультант? – изумился Кирилл.
- Почему нет? Ведь здесь я главный, а не он, – засмеялся вариатор.

Радость его была наивной, почти детской. И никак не подходила возрасту инопланетянина. Наверное, он и правда ощущал себя двадцатилетним.

- По мановению руки нельзя? Ты ведь изменяешь реальность?

– Изменяю. В том-то и дело, – вздохнул инопланетянин. Получилось у него совсем по-человечески. – Я позвал тебя, Кирилл, чтобы посоветоваться.

Молодой человек засмеялся.

– Все мы, конечно, неплохого мнения о себе. Но я не настолько глуп, чтобы не понимать – для существа, возраст которого больше трехсот лет, я советчиком быть не могу! Ума не хватит!

– А мне не нужен твой ум. Мне нужна твоя оценка, – ответил вариатор. – Понимаешь, когда меня сманили ваши звездолетчики, мне было по земным меркам лет четырнадцать. Я был глуп и пытался сделать что-то сам. Надеялся, что у меня получится. Но своими и вашими стараниями я подошел к краю пропасти. Мне надо найти выход.

– Поищем, – кивнул Кирилл. – Только в чем проблема? Ты не можешь вернуться домой? Надоело работать? Или люди хотят слишком многого? Боюсь, с возвращением домой будет туго – к звездам мы летать перестали. Незачем, и опасно. Но ты и сам это знаешь.

– Да, знаю. Ты правильно угадал: опасно то, что люди хотят многого. Посмотри в телескоп.

- День, – констатировал Кирилл. – Что я увижу?

- Телескоп модифицированный. Ты увидишь то же, что и ночью.

Кирилл подошел и заглянул в окуляр.

Действительно, как и ночью, небо было привычного грязно-серого цвета. Хвостатые звезды неспешно плыли в разные стороны. Газовые туманности скручивались вокруг черных дыр. Разные участки неба время от времени освещались сполохами северного сияния.

– И что? – поинтересовался молодой человек. – Хороший телескоп, но ничего нового я не увидел.

– А я увидел. Ты не помнишь, что когда-то небо было бархатно-черным? Звезды стояли на местах? И у них не было хвостов?

– Нет, – пожал плечами Кирилл. – Но я не вижу большой трагедии в том, что у звезд появились хвосты. Так красивее. Кто-то пожелал? Во сколько литров обошлось? Ты ведь все знаешь....

Вариатор вздохнул.

– Никто не желал. Побочный эффект. Но напрасно ты относишься к звездам, как к точкам в небе. Каждая звезда – солнце, вокруг которого вращаются планеты. И туманности вокруг черных дыр... Это раздираемые на части звезды!

- Печально. Но как судьба далеких звезд касается нас?

– Мы сместились в ту часть реальности, где вашей планете осталось жить не больше десяти лет. Из-за безумных желаний людей я менял реальность, перемещаясь в те области многомерной вселенной, где действуют другие физические законы. Мне это нравилось – подгонять мир под себя и под ваши желания. Но я был мальчишкой. И не понимал, что нельзя стать Богом. Вселенная стала опасной. Мир готов рухнуть.

- Каким образом?

– Может быть, взорвется солнце. Может быть, мир поглотит черная дыра. Или столкнутся две звездные системы. Все зависит от направления движения. От ваших желаний. В

любом случае, конец всему настанет очень скоро. Я, может быть, успею уйти от удара, но всех мне за собой не утащить.

Кирилл потер переносицу. Кто-то, может быть, не поверил бы вариатору. Но не человек, который по своему желанию разгонял тучи на небе в день рождения любимой, воздвигал горы со снежными вершинами на горизонте, чтобы улучшить вид из своего окна, и специально для матери находил в лесу никогда прежде не существовавший плод, имеющий вкус крыжовника с медом.

– И спастись нельзя? – глухо спросил Кирилл.

– Если ничего не менять в жизни – нельзя.

– А что можно изменить?

– Я хотел спросить у тебя. Ты, действительно, не блещешь умом...

– Спасибо, – поморщился Кирилл.

– Это не попытка обидеть – констатация факта. Но ты – типичный представитель молодого поколения. И поэтому я выбрал тебя полномочным представителем человечества.

– Еще раз спасибо, только стоит ли?

– Стоит. Как ты скажешь, так и будет. То ли мир сгорит в огне, то ли вы будете жить.

Потому что твое настроение – настроение большинства.

– А что думают по поводу возникшей проблемы ученые? Профессора из университета? Тот же главный консультант? Почему ты не спросишь совета у них?

– Они считают, что мир обречен в любом случае, – вздохнул вариатор. – Или вы умрете сразу и безболезненно, расплатившись за свою беспечность, или цивилизация погибнет в судорогах, лишившись средств к существованию, привычного комфорта. Вы отвыкли работать, как это ни печально. Сколько я не пытался приучить вас к труду, заставляя хотя бы подметать улицы, у меня мало что вышло... Дворниками и уборщиками работают, в основном, старики. По привычке. Молодежь на эту почетную в былые времена должность не заманишь. Вы с удовольствием учитесь, но не хотите трудиться. Предпочитаете строить воздушные замки! Поэтому ваша цивилизация обречена. Люди – нет.

– Кому как, а мне рано умирать! – вспыхнул Кирилл. – Человечество должно жить! Пусть не так, как сейчас...

– Ты считаешь?

– Да я в этом просто уверен!

– Почему?

Кирилл задумался. Потом ответил:

– Потому что я не желаю другим того, что не желаю себе. Я знаю меру, так как все имеет свою цену. Я люблю людей. И тебя тоже. Потому что ты много сделал для нас.

В глубине дворца что-то шевельнулось, булькнуло. Кирилл почувствовал теплую волну, коснувшуюся сознания. Вариатор был растроган.

– Спасибо. Ты усвоил принципы. Мы вводили их не зря. Может, поэтому человечество еще не истребило себя...

– Мы – это кто? – поинтересовался молодой человек.

– Капитан звездолета, члены команды... Они придумали принципы, которые записаны на скрижалях. Я помог им выбраться из черной дыры, куда попал корабль. И оказался отрезанным от своих родственников. Ваши звездолетки заботились обо мне, я заботился о них... Мы стали одной семьей. Потом мы вернулись на Землю и построили дворец вариатора. Я стал выполнять желания. Сначала – очень важные, потом – самые разные... Мне было интересно.

– Где сейчас эти люди? – с замиранием сердца спросил Кирилл. Кто не слышал об отважных звездолетчиках, бороздящих просторы бескрайнего космоса? Кто не мечтал взгля-

нута на них хоть раз? Только давно уже не было звездолетчиков. Они стали словно бы героями сказки...

– Все умерли. Я не мог дать им вечную жизнь. Они не хотели. Были верующими людьми. А чтобы жить вечно, нужно поступиться очень многим...

Кирилл поднялся с кресла, положил руку на плечо молодого человека – проекции вариатора. Хотя проекция и была одета в вельветовый пиджак, на ощупь плечо оказалось словно резиновым, скользким... Но молодой человек не отдернул руку.

– Сейчас я готов поступиться многим. Поступиться всем! Я отдам всю свою кровь – чтобы жили другие. Чтобы наше Солнце горело ровно, а Землю не поглотила черная дыра...

– Этого мало, – покачала головой проекция вариатора. – Твоя жертва ничего не изменит... Прошло время жертв. Кровь – лишь символ. Она не имеет магической силы. Нужны правильные желания. Но их нет. А я не могу предложить вам выход.

– Почему?

– Выход для вас – предательство для меня.

– Мне надо подумать, – заявил Кирилл.

– Думай, – согласился вариатор. – Я оставлю тебя. Думай, сколько заблагорассудится. Можешь даже молча уйти – если не захочешь ничего менять. Я пока спущусь вниз.

Когда проекция вариатора покинула обсерваторию, Кирилл осмотрелся. Ничего интересного, кроме телескопа, в башенке не было. Кресло, несколько стульев, столик. И еще одна дверь, ведущая, по всей видимости, на крышу.

Кирилл подошел к ней, открыл. С верхней грани огромного куба дворца на город открывался прекрасный вид. По улицам спешили люди. Нарядно одетые, красивые, словно летящие навстречу счастью девушки. Симпатичные, сосредоточенные, а порой мечтательные юноши. Степенно шагали люди среднего возраста. Они не торопились. Им было известно, что они хотят от жизни. Под сенью раскидистых деревьев, на лавочках перед подъездами, в кафе под открытым небом сидели старики, неспешно беседуя между собой, подставляя лица фиолетовому свету солнца...

Не будет вариатора – счастье этих людей рухнет. Прекратят исполняться желания. Жизнь потеряет цель и смысл.

Скажем, к чему можно будет стремиться самому Кириллу? Даже если он сможет придумать что-то из ряда вон выходящее, способное удивить все человечество – реализовать мечту не удастся. Зачем тогда жить? Может, правы профессора, главный консультант? Не стоит ничего менять?

– Я не хочу расставаться с мечтой, – прошептал Кирилл. На глазах его блеснули слезы. – Не хочу...

Никто не отозвался. Вариатор, может быть, слышал его, но молчал.

Значит, не будет больше хрустальных гор с сияющими пещерами? Живых светильников, переливающимися всеми красками, порхающих над темной гладью моря? Парящих в воздухе замков – непрочных, но способных подарить влюбленным покой уединения на несколько часов? Улыбок во все небо? Расцветающих под окном любимой полян весенних цветов, созданных специально для нее?

Кирилл вспомнил Инну. То, как она чудесно смеется. Как радуется каждому цветку, который он ей приносит – хотя сама может рвать эти цветы в общественном саду сколько захочет... Ведь дело не в цветах. Дело в отношениях.

– Я готов отказаться от исполнения всех желаний, – объявил молодой человек. – От общественных садов, от магазинов с бесплатной одеждой. От того, что люди никогда не болеют и живут без забот. Готов жить так, как жили мои предки до встречи с тобой. Я буду работать, если не остается ничего другого! Этого тоже мало? Если мир будет меняться в худшую сторону – будем ли мы уходить от опасности? Восстановится ли равновесие?

Проекция вариатора появилась рядом с ним словно по мановению волшебной палочки.

– Равновесие не при чем. Когда я перестану изменять ткань реальности, мир станет предсказуемым. Вам не будут грозить внезапные бедствия, но в мире не останется чудес. Да, мы уйдем от опасности. Но я? Что тогда буду делать я?

– А в чем проблема? – не понял Кирилл.

– Я не хочу уходить! Я к вам привык! Мы в ответе за тех, кого приручили! Я приручил вас, а вы приручили меня!

– Так оставайся! Мне было интересно с тобой, хоть сначала я испугался... Уверен, все будут любить тебя!

– Но тогда вы будете вновь просить изменить реальность!

– Не будем.

– Непременно будете. Уж я-то знаю. Раз, другой, третий... И все закончится так же, как сейчас.

Кирилл задумался. Проекция вариатора выглядела такой грустной. Беззащитной... Молодой человек представил себя на месте четырнадцатилетнего ребенка, который в один миг стал богом, ушел из дому, обрел независимость... А потом повзрослел. И понял, что жизнь не так проста, как казалось ему совсем недавно.

– Значит, тебе надо будет уйти. Мир лишится чудес, но мы будем жить, – мягко сказал Кирилл.

– Ты оказался мудрее, чем мне виделось.

– Наверное, я просто хорошо усвоил написанное на скрижалях, – попытался улыбнуться молодой человек. – Меня заставляли поверить в счастье с детства. Ненавязчиво и любя. Кто не верил – оставался без сладкого. Люди и правда стали добрее, чем раньше.

– Ты не представляешь, как мне будет трудно, – вздохнул инопланетянин.

– Надеюсь, ты сможешь вернуться домой.

– Я не об этом... Видеть, как вы страдаете... И не иметь возможности что-то предпринять. Вот что тяжело.

– Мы справимся. Только бы не забыть написанного на скрижалях.

– Я попытаюсь вытащить вас. Чтобы вы не болтались на окраине вселенной. Там, где перехлестываются вероятности, – пообещал вариатор. – Иди, друг. Иди, пока не передумал и не попросил меня остаться. Потому что за все человечество сейчас решаешь ты.

Когда Кирилл покинул дворец вариатора, ему стало не по себе. Небо словно бы выцветало, голубело, приобретая совсем нездоровый оттенок. Разом засохло розовое дерево, пожелтели и осыпались листья магнолий. Горизонт отодвинулся, ландшафт вокруг города изменился. Пахло на улицах не дивными пряностями, но горечью и пылью. Под легкую куртку задувал пронзительный, холодный ветер.

Что-то подсказывало Кириллу, что теплую куртку найти теперь будет трудно. И фрукты в общественном саду при такой погоде могут вымерзнуть. Но зато вместе с Инной они будут работать, изменять мир не своими желаниями, а своим трудом. И когда-то Земля снова станет уютной и прекрасной.

Корнеплод

Бездна поглотила меня не сразу. Сначала земля стала мягкой, словно на болоте – хотя я не сходил с места, рассматривая одиноко стоящий Оливиус Сапиенс Вульгарис, и пытаюсь наладить с ним хотя бы поверхностный контакт – просто из любопытства. Потом почва словно потекла, и я мгновенно погрузился в превратившийся в болотную жижу грунт по пояс.

– Тяни! – закричал я Паше Крюкову, любившему пафосно рассуждать о высоких чувствах и долге перед человечеством долгими вечерами в тесной кают-компании. Сейчас он стоял в десяти метрах от меня на пропитанном аммиаком холмике и задумчиво рассматривал серое небо.

Мой крик слился с верещанием оповестительной системы скафандра:

– Нападение извне!

Крюков перевел взгляд на меня, помедлил секунду и, согласно букве инструкции о действиях при нападении, полоснул по натянувшемуся сверхпрочному тросу-связке лазерным резакон. Выражение его лица под зеркальным щитком скафандра я не видел, но, полагаю, больших нравственных терзаний он не испытывал. Не нарушить инструкцию и выйти сухим из воды – главное. А в душе Паша всегда был сволочью, хоть и прикидывался гуманистом.

Лишившись всякой поддержки, я ушел в болотную жижу с головой. А потом полетел вниз.

Казалось, падению не будет конца. Кругом царила полная тьма, систему подсветки я активировать не сообразил. Только подсознательно считал удары сердца. Десять, двадцать, тридцать... Проклинать Крюкова бессмысленно – после разрыва троса он меня не слышал. Вряд ли вообще меня кто-то когда-то услышит.

На Земле скорость падения человека перестает увеличиваться, если мне не изменяет память, примерно при двухстах километрах в час. Дальше ускорение свободного падения компенсируется трением о воздух. На Оливии сила тяжести меньше, а плотность атмосферы, пропитанной аммиаком – больше. Но, полагаю, до ста километров в час можно без проблем разогнаться и здесь. Что я уже и сделал. Так что оставалось ждать удара. Ведь и у самой глубокой пропасти есть дно. Ста километров в час будет более чем достаточно.

– Примите меры к уменьшению скорости падения, – посоветовал искусственный интеллект скафандра.

Замечательно! Сам бы я, наверное, не догадался, спасибо за подсказку. Только кто берет с собой на прогулку по лесу парашют, весящие несколько центнеров гравикомпенсаторы или реактивный ранец? Мы не берем. Прежде под землю на Оливии никто не проваливался. Если бы не аммиак – рай, а не планета. Деревья разумные, флора и фауна исключительно мирная...

Бум, шлеп, чавк, хлоп! Сердце едва не вырвалось из груди, когда ноги чего-то коснулись. А я уже летел вверх. И даже кости были целы. Такое ощущение, будто приземлился на гигантский батут, медленно погасивший скорость, вобравший в себя энергию – и постепенно вернувший ее. Вновь швырнувший мое тело вверх.

Мгновенное зависание в высшей точке полета, снова падение, отскок – но уже совсем невысокий. Батут не был предназначен для прыжков. Он мягко гасил скорость. Три подскока – и я очутился в огромной луже. Жидкости по колено, берегов не видно... Впрочем, ничего не видно. Я, наконец, догадался включить фонарь, вмонтированный в шлем. Не сильно-то это помогло. Разглядеть смог лишь жидкость под ногами – которую прекрасно ощущал и до этого. Все остальное терялось в непроницаемой тьме.

– Глубина? – спросил я у информационной системы скафандра.

– Сорок сантиметров, – отозвался компьютер.

– Что? Я имею в виду, на каком мы расстоянии от поверхности планеты, а не глубину этой лужи!

– По инерционным данным – девятьсот метров. По изменению давления – восемьсот пятьдесят, – бодро отпартовал ничуть не смутившийся искусственный интеллект.

– И что это такое?

Ответа не последовало. Компьютер скафандра не склонен к пустым разговорам. При отсутствии данных и некорректных вопросах он не фантазирует, а молчит.

– Возможно ли установить радиокontakt с напарником или с базой? – скорее, для порядка спросил я.

– Сигнал подается регулярно. Отзыв отсутствует.

– Состав жидкости, в которой мы очутились.

На этот раз системе сбора информации пришлось поработать. Спустя минуту компьютер сообщил:

– Мы находимся в водном растворе азотной кислоты. Защитные свойства скафандра сохранятся около трех часов.

– А потом?

– Скафандр утратит герметичность. Жидкость начнет поступать внутрь. Системы регенерации воздуха хватит примерно на двенадцать часов. Электропитания батарей при средней нагрузке – на трое суток.

Это радостно. Если скафандр выудят отсюда по прошествии двух дней, коллеги смогут получить какую-то информацию. Я смогу продиктовать компьютеру завещание, а он передаст его на базу. Экспертам не позавидуешь – они получают кое-какую ценную информацию, но вряд ли им доставит большое удовольствие слушать мои вопли, когда в скафандр начнет просачиваться кислота. Наверное, она сначала попадет на ноги. Потом я упаду в лужу... Впрочем, до этого, надеюсь, произойдет отравление организма аммиаком.

– В какую сторону предпочтительнее идти? – поинтересовался я.

– На север, – без малейшей задержки отозвался компьютер.

– Почему? Там стена? В ту сторону заметен подъем?

– Скафандр не снабжен эхолотом, – отозвался компьютер. – Так же, как и уровнем. Но в инструкциях сказано, что при отсутствии приоритетных целей следует двигаться на север.

И я пошел на север, следуя указаниям слабо светящейся зеленой стрелочки на лицевом щитке скафандра. Плюх-плюх, плюх-плюх. Каждый шаг приближает меня к смерти. Впрочем, если никуда не идти, смерть придет сама. А ненавистная кислотная лужа может где-то закончиться...

Вытащат ли меня отсюда? Однозначно, нет. Три часа – слишком малый срок. Пока подонок Паша, так удачно «сбросивший меня с хвоста», руководствуясь, несомненно, какими-то высшими идеалами, сообщит о происшествии на базу. Ему ведь сначала нужно придумать версию, в которой он будет выглядеть как можно выгоднее... Пока на базе соберут чрезвычайный совет. Сделают запрос на применение тяжелой техники на Землю. И, если оттуда придет разрешение рыть в заповедной зоне, и оливиусы не будут препятствовать – сколько потребуется времени, чтобы прокопать туннель глубиной в километр? Не час и не два.

А если я выберусь из лужи, у меня есть только двенадцать часов. Потому что после этого в скафандре закончится кислород.

Шлепать по луже мне пришлось не слишком долго. Через пару минут я уперся в «стену»: мягкую, ворсистую, влажную. Кислота выделялась прямо из нее. Судя по изгибу «стены», я находился в подобию гигантской трубы. Из лужи на эту поверхность я бы мог вылезти. Да только пользы от этого никакой: кислота на стене более концентрированная, как

услужливо сообщила мне система оповещения. Поэтому и резать стену вряд ли имеет смысл – кислота может хлынуть такой концентрации, что разъест скафандр за пять минут.

Судя по всему, я попал в чей-то желудок. Оливиусы сапиенсы сообщали, что подземный мир их планеты очень богат и многообразен. И категорически запрещали копать или бурить даже в ненаселенных, пустынных местах. Поэтому о том, кто меня проглотил, я не имел ни малейшего представления. А информация о пищеварительной системе твари, сведения о том, где у нее глотка, а где задний проход, и как туда попасть, могли бы оказаться весьма полезными!

Я зашагал вдоль стены. По искривлению пути моего движения, данные о котором приходили от инерционного датчика, компьютер рассчитал параметры «зала», в котором я очутился. Полусфера с практически ровным дном и диаметром в двести метров. Не так много. Но, если учесть, что это желудок живого существа – и немало.

Когда примерно половина периметра желудка неведомой твари была пройдена, я заметил возвышающийся посреди кислотной лужи валун. Большой, по высоте – с меня, в длину еще больше, продолговатой формы, весь в буграх, словно изъеденный.

– Вот что кислота с камнями делает. А жадность – с огромными земляными червями, – заметил я вслух. Что толку проводить последние минуты в молчании? – Можно подумать, тебе от этого булжника какая-то польза... Только несварение желудка. Да и скафандр мой тебе, мерзкая тварь, явно еще отрыгнется...

Искусственный интеллект неожиданно оживился.

– Объект подает сигналы в длинноволновом радиодиапазоне, – сообщил он.

– Червь, что ли?

– Булжник, как вы выразились. По получаемым характеристикам, это органический объект.

– Да ну? Может быть, остатки органического объекта?

– Объект пытается общаться.

– Что? Вот этот большой кусок... Ладно, не будем оскорблять представителей местной флоры или фауны...

– Он стремится к общению, – безразлично повторил компьютер.

– Каким образом?

– Передает сигналы кодом, который используют оливиусы сапиенсы.

– Так раскодируй!

– Перехожу к режиму декодировки.

Для моего удобства компьютер изменил тональные характеристики голоса и, озвучивая «булжник», заговорил приятным баритоном:

– Вам запрещено проникать под землю, представитель вида хомо сапиенс с планеты, именуемой Земля!

– Ого! Я в желудке какой-то твари, по колено в азотной кислоте – а мне еще и что-то запрещено!

– Разве ваше положение меняет характер договоренностей двух народов?

– Не знаю... Я ведь попал сюда не по своей воле. А вы-то кто такое, уважаемое?

– Я – хомо оливиус вульгарис, – без запинки ответил булжник.

Если бы это произошло где-то в другом месте и в другое время, я бы рассмеялся. Но сейчас было не до смеха.

– Ты выдаешь себя за прекрасное зеленое дерево тридцати метров высотой, с маслянистыми тяжелыми листьями, меняющими цвет в зависимости от погоды, с могучими подвижными ветвями и гладким, вибрирующим стволом? Считаешь, что можешь управлять погодой, общаться с помощью ультразвука и электромагнитных волн с себе подобными, изменять

химический состав почвы и атмосферы вокруг себя, заниматься синтезом элементов? Слагать поэмы, помнить историю планеты за сотни тысяч лет?

– Я не выдаю себя за дерево. Я хомо оливиус. И поэмы слагаю лучше многих.

– Неужели червяк настолько обглодал тебя?

После некоторого раздумья «булыжник» ответил:

– Не думаю, что ты выберешься из пасти червя. Да и я, как проглоченный, теперь вне общества. Поэтому я открою тебе то, о чем мои сородичи предпочитают не распространяться. Деревья – наши придатки. С помощью деревьев мы многое делаем. Но как вы думаете мозгом, а работаете руками, так и мы – не ветки и не листья... Мы – корни. Точнее, луковицы. Утолщения под землей...

– Корнеплоды, – подсказал я.

– Корнеплоды, – не стал роптать хомо оливиус. – И это очень интимно. Увидеть, ощутить чужой корнеплод нельзя. Если все же увидел – стал, как брат.

Инопланетные сантименты меня не интересовали. Я чувствовал, как азотная кислота подбирается к ногам.

– Значит, вылезти из желудка червя невозможно? Он странствует под землей и поедает твоих соплеменников?

Клубень, как мне показалось, слегка побагровел.

– Не поедает... Прореживает. Доставляет на новые поляны. Но некоторых глотает. И это хорошо. Полезно. Приятно. Червя нужно что-то есть. Не каждое семя дает всходы...

– Отлично. Тебе, стало быть, не повезло?

– В каком-то смысле не повезло, в каком-то – повезло. Что есть везение, что – неудача? Многие хотели бы оказаться на моем месте. А я бы, возможно, хотел стать отцом новой рожи... Закончить свое существование немного по-другому. Но, согласно нашим принципам, формировавшимся тысячелетиями, я не покину утробу червя. Выбор сделан.

– Согласно принципам? – заинтересовался я. – То есть фактически выход отсюда есть?

– Это не имеет значения, – отозвался корнеплод.

– Имеет! И еще какое! Надо мной ведь принципы не довлеют!

– Вряд ли ты сможешь выйти самостоятельно.

В недомолвках оливиуса сапиенса мне послышался некий намек. Хотя я и не специалист по общению, но мне показалось, что его информация многослойна.

– То есть ты можешь помочь мне выйти?

– Нет, конечно. Это противоречит моим принципам.

– Но физически это возможно?

– Каждый оливиус знает путь из пасти червя, – не стал возражать корнеплод. – Но редкий воспользуется этим путем.

– Ясно. Мне нужно всего лишь убедить тебя...

– Вряд ли это удастся.

Действительно. Убедить оливиуса... Это примерно то же самое, что заставить заплакать камень. Остановить реку. Сровнять с землей гору. Шансы на успех крайне малы. Слишком привержены оливиусы своим убеждениям. Общественным принципам поведения. Они всегда принимают решение сами.

А кислота так и сочилась из желудка червя. Интересно, как корнеплод до сих пор не растворился? Наверное, кожа у него плотная и кислотоустойчивая.

– Слушай, помоги мне, – предложил я. – Потом можешь вернуться обратно, к этому червя.

– Невозможно. Презрение рода падет на меня и мое потомство, – ответил корнеплод. – Попал к червя в пасть – не просись обратно.

– Но ты хоть понимаешь, что меня начнут искать? Рыть землю, нарушая ваши запреты? Может даже начаться война. Погибнут сотни твоих соплеменников. И моих тоже.

– Мне-то какое дело? Я вне закона.

– Осталось два часа, – «своим» голосом сообщил компьютер скафандра.

– Прошел час? – удивился я.

– Нет. Тридцать минут. Разрушение скафандра идет быстрее, чем предполагалось.

Захотелось подойти и что есть силы пнуть корнеплод ногой. Но вряд ли это будет способствовать успеху переговоров с существом, которое уже себя похоронило. Надеяться можно только на хитрость и на логику.

Что я знаю о нравах и обычаях оливиусов сапиенсов? На планете существует общественная цивилизация. Все подчинено интересам рощи. Никакой конкуренции, почти никаких личных интересов каждого дерева. Крайне редки случаи неприязненных отношений. Консерватизм во всех делах. Убедить в чем-то оливиуса почти невозможно. Разжалобить – тем более.

– Значит, тебе все равно, что будет с планетой? – спросил я.

– Конечно. Меня уже нет, – отозвался корнеплод.

– Тебе безразлична судьба рощи?

– Я исторгнут из рощи.

– Тебе не хочется отомстить этому червю?

Ответа не последовало. Оливиусы вообще не понимают понятия «мечь». Чувство, на их взгляд, совершенно иррациональное.

– Но я хочу наверх! – заорал я. – Мне не улыбается растворяться в кислоте, которой наполнен желудок мерзкой инопланетной твари!

– Судьба, – равнодушно ответил инопланетянин.

– Ты, кажется, упоминал о том, что мы стали вроде братьев... Когда я увидел твой корнеплод. Ну, то есть, тебя.

– Так и есть. Ты стал практически оливиусом сапиенсом, – отозвался клубень. – И тебе нет пути наверх. Потому что каждый оливиус принимает судьбу. А на тех, кто не принимает, падает презрение.

– Но я не оливиус!

– До не оливиусов мне сейчас нет вообще никакого дела.

– Слушай, если тебя уже нет – что ты теряешь? Ты ведь говорил, что хочешь стать отцом рощи!

– Это так. Но мои желания не имеют значения.

– А желания брата?

– Нет, конечно. Он такой же индивидуум, как и я. Общее несоизмеримо важнее личного.

Я лег в лужу и поднял ноги кверху. Пусть кислота действует на скафандр более равномерно.

– Слушай, корнеплод, что для тебя превыше всего?

– Интересы общества, – ответил оливиус. – Впрочем, сейчас я вне закона. И общество меня тоже не интересует. Я медленно погружаюсь в небытие.

– В нирвану, – буркнул я.

– Да, – как это не удивительно, подтвердил оливиус. Не иначе, компьютеру удалось найти хороший вариант перевода такого сложного понятия.

Интересы общества... А что в их понимании общество? Самое важное, самое прекрасное, что может быть. Не даром же, обнаружив меня, корнеплод сразу попытался наладить контакт. Привычки оказались сильны.

– Значит, тебе все равно, что погибнешь ты сам? Погибнут твои нерожденные дети? Нерожденные дети твоего брата – а я еще не женат, и только собирался найти спутницу жизни и обзавестись потомством?

– Такова судьба.

– Но я не хочу в нирвану! – заорал я. – Мне рано в нирвану!

Корнеплод неожиданно посинел. Или мне только показалось из неудобной позы.

– Ты святой? – спросил он. – Отказываешься от нирваны?

– Я хочу выполнить свою миссию! Любой ценой! – заорал я, вскакивая на ноги.

– Работать на благо общества любой ценой... Даже ценой презрения этого общества. Делать все для своей рощи, когда члены ее отворачивают от тебя листья... Прежде я и не задумывался о такой высоте самопожертвования! Об этом можно сложить целую поэму!

– Так сложи ее!

– Незачем. Ее некому будет прочесть.

– А я действительно хочу заботиться о других! И пусть они отворачивают от меня свои листья! Мне еще нужно многое сделать! Встретиться с Крюковым, например!

– Какая трогательная забота о существе из своей рощи, относящемся к тебе неприязненно, – заметил оливиус. – Я почувствовал скрытые эманации ненависти, исходящие от него. Такую ненависть может испытывать лишь дерево к вредителю...

– Мы с тобой – тоже общество! – закричал я, словно на меня снизошло озарение. – Ведь два – не один! Ты и я! Братья! А мне нужно продолжать жить любой ценой!

– И помочь Крюкову в его делах.

– Да, помочь Крюкову обрести нирвану!

– Я чувствую, ты не лжешь. Твой ментальный фон просто кричит о желанности встречи с соплеменником.

– Ты мне можешь?

– Не знаю... Помогая тебе, я не достигну нирваны сам. Растворюсь в детях... Изменю судьбу. Получу презрение породившей меня рощи!

– Но это твой долг перед нашим с тобой обществом!

– Это мой долг перед обществом, – эхом отозвался оливиус.

– И ты обязан его выполнить!

– И наши дети не будут расти рядом, – добавил корнеплод, позеленев. – Поэтому я помогу тебе выбраться на поверхность. Ведь ты ущербный оливиус, не можешь поступать согласно своим желаниям.

Я не вполне понял, что имел в виду мой названный сучковатый братец, и вдаваться не стал. Примерно десять процентов заявлений инопланетян не дешифруются логично в принципе. Мы разные. Этот экземпляр был еще на удивление адекватен. Главное – я добился своей цели.

А добиться цели на Оливии бывает возможно, хотя и не простыми убеждениями. Стоит только загружать оливиусов вопросами, давать им пищу для размышлений. Они сами исследуют свои доктрины, и находят выход. На основании каких принципов – никто не знает. Если бы не так, с этими строптивцами мы бы никогда не договорились. До сих пор болтались бы на орбите планеты.

Правда, я не специалист по информационному контакту, а простой химик, и не умею запудривать деревьям мозги. Но в случае нужды из шкуры выпрыгнешь. И разумную картошку убедишь в том, что ты – ее брат.

– Сейчас я произведу одно вещество, – заявил корнеплод. – Состав его известен оливиусам с древнейших времен. Собственно, благодаря этому веществу мы смогли не только выжить, но и расселиться по всей планете, используя червей. Пожалуй, если ты будешь держаться за меня крепче, будет лучше.

– Хорошо, – сразу согласился я. Удачу надо ловить за хвост. Жаль, у оливиусов нет хвоста. – А что это за вещество?

Профессиональный интерес все-таки разыграл и во мне. Я хотел знать формулу!

– Рвотное для червей, – ответил оливиус и вновь изменил цвет – на сероватый. Поверхность его засочилась прозрачной, слегка клейкой на вид жидкостью. Выглядело это отвратительно. Но мне было не до эстетики. Прильнув к корнеплоду, я вцепился в выступы на его шкуре, поставил ногу в углубление. И едва удержался, когда желудок-«батут» под нами содрогнулся, и волна, образованная из плоти червя, погнала нас куда-то вверх. Скорость все возрастала.

Земля с чавканьем расступилась перед нами, и вместе с оливиусом нас выбросило под мрачное серое небо – свет которого все равно на мгновение ослепил меня после долго пребывания в темноте.

Взлетели метров на сто. Искусственный интеллект скафандра опять начал верещать о том, что нужно принять меры по уменьшению скорости падения. Действительно, сейчас мы будем падать на жесткую землю, а не в мягкий желудок червя!

И тут корнеплод выбросил тысячи нитей, ярко заискрившихся даже в рассеянном свете облачной планеты. Нити словно бы сами собой соткались в подобие огромного парашюта. Я вцепился в оливиуса крепче. А тот передал через компьютер:

– Прощай, человек!

– Мы все-таки разобьемся? – спросил я. – Может быть, мне спрыгнуть, чтобы замедлить твоё падение? Зачем погибать двоим?

– Держись крепче. Ты будешь жить. Я – нет! И это тоже счастье.

Взглянув вниз, я заметил Пашу Крюкова, глазеющего на невиданное явление местной природы и даже пытавшегося снять его с помощью любительской видеокамеры. Наверное, Паша надеялся на большую внеплановую премию за эту съемку. Интересно, он уже сообщил на базу о моем исчезновении, или продолжает придумывать версию покрасивее?

Удар о землю был сильным. Кости, вроде бы, остались целы, но рот наполнился кровью. Скафандр, к счастью, выдержал. А вот спасший меня корнеплод разлетелся на несколько кусков.

– Прощай, оливиус, – склонил голову я. – Жаль, что тебе не удалось спастись!

Кусочки корнеплода вдруг начали ввинчиваться в землю. Мне показалось, что при этом они пищали! Совсем как дети. Не иначе, через пару сотен лет здесь вырастет роща молодых оливиусов сапиенсов. Мой корнеплод погиб, дав жизнь неразумному потомству.

– Счастья вам, корнеплоды! – от всего сердца воскликнул я. И побрел в сторону мечтавшего о гонораре Крюкова. У меня было еще десять часов автономной работы скафандра и многофункциональный лазерный резак.

На круги своя

– И она к тебе подошла? – недоверчиво спросил Максим. – Там же вокруг столько парней, и ты, по-моему, не самый симпатичный.

– Про то, что я несимпатичный, можешь не язвить – на себя посмотри, – обидчиво ответил Игорь. – А подошла ко мне. Ну, я не знаю, может, она и не имела в виду чего-то серьезного, но мы танцевали с ней в тот вечер два раза.

Юноши обсуждали вчерашний лицейский вечер. Максим не смог на нем побывать, и ему было очень интересно, что там происходило. Но для Игоря главным событием было то, что на него обратила внимание Лена, и рассказывать товарищу о чем-то другом он не мог.

– Понимаешь, я так разволновался, что больше никуда не смотрел, только на Леночку. Маша и Алеша, как всегда, зажимались в углу, но в этом ничего нового и интересного нет. А Лена... Она такая красивая. Да и вообще, по-моему, самая лучшая девчонка в нашем лицее. Умная, вежливая, деловая.

– Может быть, и так, – со вздохом проговорил Максим. Видимо, к Лене он тоже был равнодушен. Во всяком случае, Игорю он завидовал, хоть и скрывал это. – Но я бы все-таки на твоём месте не обольщался. Не потому так говорю, что тебе завидую, а как друг. Взгляни на себя объективно. Стрижка короткая, вихры в разные стороны торчат. Краситься нормально не умеешь. Что это за цвет для волос – рыжий? Лучше бы ты свои настоящие русые оставил. А на серьгу свою глянь! Это же вообще недоразумение. Купил бы или модную, или дорогую. Ну кто сейчас ходит с крестиком в ухе? Но главное, конечно – цвет волос. Тебе нужно срочно перекраситься.

– Можно подумать твои светло-зеленые волосы – прекрасная находка, – огрызнулся Игорь.

– Я себя в пример не ставлю, – не обиделся Максим. – Мы про тебя сейчас говорим. Ненакачанный совершенно – только что брюшка нет, но и мускулатуры никакой. Учишься на тройки и четверки. Тьфу, да и только.

– А может, ее во мне и привлекает то, что я на других не похож. Может, у нее накачанные отличники с дорогими серьгами и сияющими шевелюрами отвращение вызывают.

– Ну, что-то не думаю я, что Леночка – с извращениями. Она бы себе могла такого парня найти... И не обязательно в нашем лицее. Нет, ты пойми, я желаю тебе всяческих успехов. Но не хочется, чтобы ты потом месяцами кислым ходил.

– Да уж как-нибудь переживем, – сказал Игорь.

– Ты в лицей что собираешься завтра надеть?

– Джинсовый костюм, пожалуй, как всегда. Что, и костюм тебе мой не нравится?

– Костюм неплохой, но затасканный. Все тебя в нем уже видели. Я бы на твоём месте надел шелковую рубашечку, ту, голубенькую, и темные брючки. Одежда, она, конечно, ничего сама по себе не значит, но подчеркнуть достоинства человека может.

– Ладно уж, разберусь. Что-то ты меня сегодня достал. Как думаешь, может, мне самому активность проявить?

– В каком смысле?

– Ну, в кино там ее пригласить, или в гости.

– Пригласи, пригласи. Она подумает, что ты всех приглашаешь. Думаешь, ей юноша легкого поведения нужен? Тут ты, опять же, не профессионал, поэтому советую вести себя скромнее.

– Ладно, поеду я домой, пока фуникулер нет отключили. Последнее время что-то часто ломается. А в метро толкаться удовольствия нет.

– Красиво жить не запретишь, – заметил Максим. – Я бы лучше два рубля на какие-нибудь фенечки потратил, а доехал за тридцать копеек. Три месяца на метро поездишь – и серьгу золотую купить можно. Но не буду тебя жизни учить. Счастливо.

– Будь здоров.

Утро понедельника выдалось хмурым, хотя и не холодным. Молодые люди потихоньку стягивались в лицей. Некоторые, что жили поближе, приезжали на своих мобиках. Из дальних концов города на мобике было не успеть. Хотя заторов на улице сейчас почти не случилось, тридцать километров в час – не та скорость, которая нужна для того, чтобы попасть из одного конца города в другой даже за час. А кому хочется трястись час на мобике, если даже на подземке ехать двадцать минут?

Лена жила неподалеку от лицея и каждый день приезжала на большом, ярко раскрашенном двухместном мобике. Это была последняя модель, выпускаемая заводом «Боярыня». Основного аккумулятора хватало на сто пятьдесят километров, скорость он развивал до сорока километров в час. Мобику завидовали почти все девчонки лицея. А на пассажирское место с вождением поглядывали многие ребята.

Припарковавшись на своем стояночном месте, Лена легко взлетела по ступенькам. Она, как всегда, была в атласном брючном костюме, на этот раз светло-песочного цвета. Длинные выющиеся волосы красиво рассыпались по плечам. Высоко подняв голову, она прошла мимо охранника, стоявшего в дверях.

Игорь в голубой шелковой рубашке топтался около раздевалки. Поскольку на дворе стояла поздняя весна, движения его были необъяснимы. Каждому было ясно, что он кого-то ждет, и каждый понимал, что для этого он выбрал не лучшее место. Завидев Лену, Игорь поспешно отвернулся. Однако от девушки не укрылся его смущенный вид и странное поведение. Она подошла к Игорю.

– Привет, Нестерушкин!

– Здравствуй, Лена.

– Что ты тусуешься возле раздевалки? Спереть чего-то хочешь?

– Ну, не знаю, – замялся Игорь.

– Странный ты какой-то. У тебя, я смотрю, прикид новый?

– Да нет, не новый, я просто в лицей никогда так не одевался.

– Зря. Тебе идет.

– Спасибо.

– Ты после уроков что делать собираешься?

– Домой поеду.

– А где ты живешь?

– В Советском районе.

– Далековато, конечно. Но, если хочешь, я бы могла тебя отвезти.

Игорь лихорадочно соображал. Отказаться – второго предложения может и не быть. Согласиться – не будет ли это слишком нескромным?

– Если тебя это не затруднит, я бы с радостью.

– Договорились. У вас шесть уроков? И у нас тоже. Подходи к моему мобике.

На перемене Игорь подошел к горячо обсуждающей что-то группе парней.

– О чем базар, братцы? – спросил он.

– Ты не слышал последние новости? – закричал Алеша. – Ты Нестерушкину еще ничего не рассказывал, Макс?

– Да когда бы я успел? – удивился Максим. – Ты и мне рассказал это только на прошлой перемене.

– Ой, Игорек, просто тихий ужас. Жуть берет, как представишь. Саню Коновалова в субботу изнасиловали.

– Да ты что? – удивился Игорь. – И как же?

– А так. Нечего шляться по ночам. После танцев все нормальные люди разошлись по домам, а Саню с Колей Зайцевым черти понесли в бар. Сидели до полуночи. Ну, Коля, понятное дело, свалил на своем мобике домой, это все рядом с его хатой происходило, а мобик у него одноместный – Саня в пролете. И вот идет одинокий Саня через парк к метро, поскольку никакой транспорт больше уже не работает. Топает он через парк, расфуфыренный и подда-тый, а ему навстречу – три девки. Схватили. Изорвали всю одежду. Понятное дело, как он не отбивался, сделали с ним все, что хотели. Он бы, может, и скрыл все это, да тут патруль. Девицы убежали, Саню в патрульный автомобиль – и в участок. Ему делать нечего, пишет заявление. Соответственно, сообщают родителям, проверка на СПИД, все дела. И в сводку он попадает, и уже не рад, что милиция там оказалась, хотя, конечно, неизвестно еще, какие девицы на него дальнейшие виды имели – нынче ведь всякое бывает.

– А зачем Саня отбивался так, что на нем одежду рвать пришлось? Мог бы с ними ласково договориться, чтобы ни СПИДа, ни других проблем. Девушки больно уродливые были? – спросил Вася, известный своими веселыми похождениями.

– И это тоже. Но, видно, просто чувствовал он дальнейшее развитие событий. Потому что уже в воскресенье все стало известно Клаве, которая с ним гуляет. Клава – девушка с характером. В тот же день приезжает, видит его исцарапанную рожу, и сразу по морде ему, по морде – не шляйся по ночам, подонок!

– Да, ей, конечно, обидно, – заметил Максим.

– Еще бы не обидно. Он, по-моему, с ней не спит, а тут какие-то бандитки из парка добиваются того, чего она уже три месяца достичь не может.

Апогеем рассказа стало появление в дверях Саши Коновалова. Лицо у него действительно было довольно сильно изодрано, вид он имел печальный, поскольку получил сильное нервное потрясение и к тому же разругался с Клавой вдрызг. Под гогот сестер Девяткиных, известных хулиганок, он прошел на свое место. Ребята сочувственно промолчали. Только Вася как-то странно хмыкнул.

На уроках Игорь был невнимателен. Квантовая механика ему никогда не давалась, а ожидая свидания, он вообще был не в своей тарелке. Поэтому задачу решить не смог, получил нулевой балл, но даже не расстроился. На китайской литературе, его, к счастью, к доске не вызывали, а по истории преподаватель читал лекцию.

В расслабленном состоянии Игорь ждал конца шестого урока, совершенно не слушая лектора. Его терзали сомнения. Бежать к мобике Лены сразу? Но тогда не оберешься насмешек. Заставлять ее ждать? Некрасиво, да и вдруг не дождется? А если у нее вообще изменились планы? Вот это будет облом!

– Удачи тебе, Нестерушкин, – напутствовал товарища Максим после уроков.

– Сплюнь, – ответил Игорь.

Он неспеша вышел на школьный двор. Лена уже сидела в мобике и поглядывала на двери. Увидев Нестерушкина, она помахала ему рукой. Игорь торопливо сбежал по ступенькам и сел рядом с девушкой. Она лихо рванула с места.

– Нас на десять минут раньше отпустили, – сообщила она.

– Была тебе охота меня ждать... А заряда у тебя хватит до Советского района доехать? – спросил Игорь.

– Аккумулятор заряжен полностью, я перед лицеем заезжала на станцию. Так что можешь не беспокоиться – толкать не придется.

Сидеть в мобике, на первый взгляд большом, было не очень удобно – на двоих все же места не хватало, приходилось тесно прижиматься друг к другу. Игорь, вообще-то, был не против.

«Только бы не начала сразу меня лапать, – подумалось ему. – Мне кажется, что она хорошая, скромная девчонка, а она сейчас возьмет, да и покажет свое настоящее лицо».

Под эти размышления Игоря мобик шустро выскочил на Большую Садовую.

– Хочешь послушать радио? – спросила Лена.

– Для фона можно включить. Что-нибудь местное, с музыкой.

– У меня приемник обычно настроен на “Европу”. Там такие милые ди-джеи.

– Ничего не имею против.

По “Европе” шел выпуск новостей.

– Движение за лишение мужчин избирательных прав набирает силу в Соединенных Штатах Америки, – вещал бодрый женский голос. – Как известно, активистки движения требуют запретить мужчинам участвовать во всех выборах, кроме выборов в органы местного самоуправления. Хотя всерьез эти требования пока никто не воспринимает, митинг участников движения в Нью-Йорке собрал больше полумиллиона участниц. Они приехали со всех концов страны.

– А как ты относишься к таким идеям? – спросил Игорь.

– Да мне, вообще-то, все равно. Вам волю дай, вы обязательно начнете войны развязывать, пытаться утвердить свое доминирующее положение, основанное на грубой физической силе, обижать женщин. – Лена говорила так, будто вспоминала учебник по индустриальной истории. – А может, и не начнете. Но зачем тебе, скажем, избирательные права?

– Как это зачем? – возмутился Игорь. – Что я, не человек, что ли?

– И часто ты на выборы будешь ходить? Вот мамин брат за последние десять лет ни разу не ходил. Маму даже депутатом района избирали. Она его стыдит, а он говорит – мне это не нужно. И многие мужчины такие.

– Кому не нужно, тот пусть и не ходит, – упрямо возразил Игорь. – А лишать меня права голоса я никому не позволю.

– Да не расстраивайся, это просто экстремистки, – улыбнулась Лена. – Хочешь, зайдём в кафе, мороженого поедим? Или просто на улице, у разносчика купить?

– Давай у разносчика.

Игорь пригнулся к мобике, ему было приятно, что Лена – совсем рядом.

– Можно по парку покататься.

– Давай.

Лена включила на мобике сигнализацию «прогулочный режим» и со скоростью пять километров в час въехала в парк.

– Тебе какое? – остановившись у разносчика, спросила она.

– Ванильное, – со вздохом ответил Игорь. Он бы с большим удовольствием выпил пива, но предлагать это Лене постеснялся.

– Ванильное и шоколадное, – попросила девушка.

Игорь полез в карман за деньгами, но Лена остановила его:

– Ну что ты, сегодня я плачу. Ведь я же предложила.

Игорь покорно опустил руку.

– Может, тебя пивом угостить? – спросил он.

Лена удивленно взглянула на него.

– Нет, спасибо. Если хочешь, можешь взять себе.

– Да нет, я без тебя не буду.

Похрустывая мороженым, они покатались по аллеям парка.

– Какая у тебя красивая рубашечка, – сказала девушка.

- Мама подарила, – ответил Игорь. – А ты сама очень красивая.
- Правда? – притворно удивилась Лена. – Никогда бы не подумала.
- Да уж, – сказал Игорь.

Оба рассмеялись.

- А как твои папа и мама познакомились? – спросила Лена.

– Трудно сказать. Они учились вместе в университете. На последнем курсе мама предложила оформить отношения. Так и поженились.

– А у меня папа первый подошел к маме. Представляешь? Тогда это еще не было признаком дурного тона. Иногда женщина предлагала мужчине дружить, а иногда – мужчина. Полное равноправие.

- А мама что же?

– Мама сначала не соглашалась. Она была известная феминистка, а тут парень сам к ней подходит, да еще норовит в стерео заплатить за двоих. Но потом ониладили.

- Тебе, наверное, нравятся такие мужчины, как твой отец?

– Вообще-то да.

- Я не такой, – грустно сказал Игорь.

Потом он судорожно огляделся по сторонам, покраснел как рак, и вдруг решительно поцеловал Лену.

- О, а говоришь – не такой, – прошептала девушка.

«Что бы подумали обо мне папа с мамой и Максим, – тоскливо подумал Игорь. – Самому вешаться на шею девушке! Но что поделать, если она мне так нравится...»

Конец Пути

Велика, крепка и прозрачна была алмазная скала – тысяча шагов в длину, тысяча в ширину и столько же в высоту. Сияла она в свете солнца единым, монолитным кристаллом. Казалось, нет силы, способной повредить ей, нанести на незамутненную поверхность хотя бы малую царапину.

Раз в тысячу лет подходил к скале почтительный жрец в пурпурном одеянии – избранный из сотен тысяч достойных – и слегка касался ее рукой. И проводил он после этого весь остаток жизни в посте и молитве – ибо не каждый может оставить истинный след в истории мироздания. Тысячу тысяч таких скал источили до основания неисчислимые поколения жрецов. Небосвод поседел от дряхлости, и погасли звезды, а новые не зажглись, когда остался на земле один Бхима.

Был Бхима черноволос и желтолиц, а темные глаза его горели внутренним огнем. Хромал он на правую ногу, потому что была она короче левой. Голоса Бхимы не слышал никто – потому что не с кем было ему разговаривать и некого слушать.

Вечное солнце и дыхание Бхимы согревали мир – пустой и равнодушный. Только Бхима мог почувствовать свежесть весеннего ветра и душный зной пустыни, холод высокогорных следов и горячее дыхание земных недр, свежесть плода дынного дерева и обжигающую горечь перца. Только ему под силу было ощутить запах распускающихся весенних цветов и прелой листвы, морской соли и дымящейся на горных склонах серы.

Лишь один аромат не знал Бхима – дыхание смерти и запах трупа врага – ведь не было у Бхимы врагов. Не было у него и друга, спутника, собеседника – ведь в прошлой жизни был он драконом, пожиравшим миры, и не помнил мать свою, и отца – хотя ведал многое. А первое, что увидел он в этом воплощении – прекрасный цветок лотоса на водной глади, и себя – сидящим в нем.

Неспокоен был Бхима, сжигал его внутренний огонь, и жажда, и стремления. Восходил он к вершинам самых высоких гор, поднимался на величайшую гору Сумеру, и шагал в пропасть – но не падал камнем на острые скалы, а шел по воздуху, как по земле. Опускался он на дно океанов, надеясь найти там живое существо – но и в полной тьме глубин, где весь океан, казалось, давит на него, не встретил он ни одного ничтожнейшего создания.

Встречались в горах пещеры, полные алмазов и изумрудов, рубинов и бирюзы, плескалась волна на отмелях, розовеющих от кораллов, и вдосталь было жемчуга в потайных гротах, но никто не стерег сокровища – все они были во власти Бхимы.

Прекрасны были зеленые леса – без конца и без края, привольны степи, широки и полноводны реки. Снег сверкал на вершинах черных гор, и облака царственными башнями плыли по небу. Сверкали молнии, и гремел гром, шел дождь, и налетал ураган – но не понимал Бхима, зачем все эти чудеса ему одному.

Дымились высокие вулканы, и моря лавы исторгались из их недр. Ходил Бхима по раскаленным морям, ноги его обугливались, но не могла эта боль заглушить страдания его души.

Изнурял себя Бхима тысячелетними постами среди вечно цветущих садов – но только ярче разгорался его дух. Мог он взглядом разгонять облака и вызывать ураганы, двигать горы усилием воли, превращать тусклые камни в золото, а золото – в труху, но не радовало это Бхиму. Ибо не понимал он, для чего живет и страдает, для чего могущество его и боль. И сверкало в лучах солнца золото, и скрипел на зубах прах – но что золото, что прах оставляли Бхиму равнодушным.

Так вняты стали связи этого мира Бхиме, что, закрыв глаза, перемещался он за тысячу шагов от того места, где был прежде, и затем на тысячу тысяч шагов, и еще дальше. А потом

и не закрывая глаз шагал он, куда ему хотелось – и расступалась ткань мироздания навстречу ему, подчиняясь его воле.

Не было в мире силы, неподвластной Бхиме. Только над собой он был не властен, и горько ему стало созерцать себя, и мир вокруг. Поднял Бхима руку, указал на солнце, и погасло сияющее светило. Погрузился во тьму мир, но не принесло это покоя Бхиме – ведь мог он на ощупь различать камни, и слышать шелест своих шагов по песку, и плеск волны – а больше звуков в мире не осталось.

Тогда создал Бхима из гранита колесо, начертав на нем: «Ом мани пад ме хум», и вращал это колесо так, что раскалилось оно, и сияло подобно солнцу, развеивая тьму на много тысяч шагов вокруг. Огненные буквы на колесе горели подобно алмазам.

Жаркий ветер шел от колеса, шелестели листья деревьев бодхи на этом ветру.

И в свете колеса, повторяя мантру, прозрел Бхима свои предыдущие воплощения и понял, почему не может умереть. Не заслужил он этого, ибо путь его был страшен – ведь воплощал он мировое зло, подчинял волю других, противился судьбе и предавался гордыне. Последним существом в мире остался он – не было для его духа другого пристанища.

Тогда впервые услышал мир голос Бхимы, произнесшего:

– Раскаиваюсь я в делах своих.

– Зачем скорбеть о том, что было и чего не было? – отозвался голос, Бхиме не принадлежавший, и этим удививший его несказанно. – Мир есть страдание, а желание – зло. Откажись от желаний – и станешь благ.

Так принял Бхима помощь извне, чего не бывало никогда прежде, от тех, кто уже прошел свою часть пути. Перестал он желать могущества, двигать взглядом горы, шагать через моря, отказался от всех сокровищ мира и от самого мира. Просветление снизошло на него, и последнее существо было избавлено от оков сансары – к вящей радости Бодхисатв. Отказался Бхима от деяний и вступил в Нирвану, последним из живых существ став Буддой и избавившись от страданий. Махакальпа закончилась, и Путь был завершен.

Плюшевые самураи

Приятеля-контрабандисты считали Винсента Горшкова законченной мразью. А все оттого, что работал он обычно один, и только в страшных снах могло им привидеться, что возит Горшков из одного уголка Галактики в другой, скольких невинных обитателей мирных планет погубил он своим товаром. Ведь, если остальные контрабандисты просто зарабатывали деньги, Винсент якшался с разными подозрительными типами, рассуждал об эстетике нарушения закона, романтике разбойничьих троп и прочей ерунде. Да и других странностей у Горшкова хватало. А уж само имя...

– И почему тебя называли Винсентом? – спрашивали товарищи. – Ты же, вроде, простой русский парень.

– Мама захотела. Имя ей очень понравилось, – неизменно отвечал тот.

– А отец что на это сказал?

– Папа сказал, что дуракам живется легче, – вздыхал Винсент.

Но дураком Горшков не был, да и вообще, репутации подонка, по большому счету, не заслужил, хотя с именем ему и правда не повезло. Просто рассуждал он больше, чем другие – а тех, кто много говорит не по делу, контрабандисты не слишком любят.

Незаконный промысел неплохо кормил Винсента. В свои двадцать семь лет он имел быстроходную космическую яхту, двухэтажную виллу на берегу Тихого океана в Южной Америке и даже двухкомнатную квартиру в Москве, где, собственно, и занимался бизнесом. Потому что контрабанда – не только полеты по бескрайнему космосу, стычки с пограничниками и торговля с доверчивыми туземцами. Что толку провезти запрещенный груз на строго охраняемую планету? Главное, чтобы за это хорошо заплатили...

Горшков умел вовремя и в нужном объеме подмазать пограничников и галактические патрули, найти общий язык даже с кабернойцами из созвездия Пегаса, которые откусывают протянутую для рукопожатия руку по локоть. Только в личной жизни у него не все ладилось, потому что нравились ему девушки романтические, возвышенные – а от них добра не жди.

Марина была именно такой. Она работала консультантом в дорогом парфюмерном салоне и, в отличие от приятелей Винсента, не считала его подонком – ведь обо всех его делишках она не знала, – но и не любила его горячо. По мнению девушки, не было в Винсенте изюминки – если не считать необычного имени.

Когда они познакомились, Винсент заявил, что занимается поставками курского картофеля в страны средиземноморского бассейна. Не знал ведь тогда, что Марина станет для него самым дорогим человеком в жизни, и не посвятил в свои тайны. А потом признаться во лжи не мог – вспыльчивая и принципиальная Марина разорвала бы с ним всякие отношения в тот же день.

Никому не мог рассказать Винсент о тернистом пути контрабандиста. Как сложно улыбаться взяточникам, давать «на лапу» охране... И как замечательно красться к затерянной в поясе астероидов планете, на которой каждую ночь идут феерические метеоритные дожди, расцвечивающие огнями все небо!

* * *

Винсент спешил на свидание к Марине после двухнедельной отлучки, за время которой он успел побывать в созвездии Стрельца и на Дельте Гидры. У Эпсилона Стрельца он взял запрещенный товар – фосфорные шкурки местных тушканчиков, на Дельте Гидры скинул груз кольчатых червей с Сириуса. Теперь из шкурок тушканчиков строчили светящиеся

шубы на подпольном заводе в Липецкой области, а яхту, получившую пробоину в трюме, латали на севастопольской верфи. За две недели Винсент заработал сорок две тысячи рублей и раздал в качестве взяток тридцать. Общий баланс положительный. Можно развернуться и не считать копейки. Как говорится, вторую квартиру в Москве не купишь, а две космические яхты человеку ни к чему.

В стеклянном киоске у станции метро «Павелецкая» Горшков купил букет из тридцати трех красных роз. Цветы были увиты синим пушистым мохом с Цирцеи. Девушке должно понравиться. Продавщица уверяла, что тому, кто преподнес бы ей такой букет, она не смогла бы отказать ни в чем. У Винсента было искушение тут же вручить букет ей и проверить, насколько беспринципна худенькая длинноносая девочка, но он любил Марину...

Присев на лавочку перед домом возлюбленной, Горшков устался на столь дорогое его сердцу окно на четырнадцатом этаже, мимо которого нагло сновали скоростные воздушные катера. Минуту спустя он набрал номер девушки на универсальном коммуникаторе, отключив картинку. Заметит она его с первого взгляда на улицу? Если да – хороший признак.

– Выгляни в окно, моя нимфа!

– Винсент! – радостно откликнулась девушка. – Тюльпаны в такое время года – это так трогательно! Не то что розы. Некоторые еще заворачивают их в синий мох. Такой ужас, такая безвкусица – как в дешевом триллере...

Стройная фигурка маячила в полуоткрытом окне. Горшков скрипнул зубами. Хорошо, что у Марины не самое острое зрение, и сейчас она увидела то, что хотела видеть. Но что теперь делать с проклятым букетом? Длинноносенькая наверняка не сможет обменять его на букет тюльпанов, которых у нее сейчас просто нет. Осень...

– Я сейчас поднимусь, любимая!

– Хорошо, жду. Ты приехал надолго?

– Если хочешь, мы будем вместе целую неделю.

– Замечательно! Я как раз в отпуске! Свозишь меня на свою картофельную фабрику? Или на ферму – где вы клонируете свою картошку?

– Да, да, непременно. Съездим. Свожу. А сейчас я уже лечу к тебе. Лечу на крыльях любви!

Винсент поднялся с лавочки, напряженно размышляя, что делать с букетом, и едва не взлетел на самом деле. Двое громил подхватили его под руки, человек в неприметном сером костюме аккуратно забрал из рук цветы.

– Далеко собрался, Горшков?

– Да я... Да я... Так, собственно, гуляю... Сам.

– И не ждешь никого?

– Нет, нет, конечно!

– Цветы жрать, что ли, собрался?

– Я? А! Да! Люблю иногда чего-нибудь закусить... Вам чего надо, ребята? Вы не ошиблись, случаем?

– Не ошиблись. Мы никогда не ошибаемся.

Желтый лист с большого тополя спланировал прямо на нос Винсенту, заставив его испуганно вздрогнуть.

– Вы на кого работаете? На Кольку Косого? – осторожно спросил Горшков.

Болезненный тычок в бок, по всей видимости, давал понять, что предположение Винсента ошибочное. Более того, чем-то разозлило его собеседников.

– А, вы ребята Славы Меченого!

На этот раз его ударил низкорослый главарь. Букетом по лицу. Хорошо, что розы были генетически измененными, без колючек... На наряд милиции, что как раз проходил мимо, беспредельщики не обратили никакого внимания.

– Мы из разведки, парень, – веско сказал главарь, кидая потерявший товарный вид букет в урну. – Славной российской разведки. Мы все про тебя знаем. И ты будешь на нас работать.

Спустя пять минут Горшков понял, что знают о нем действительно немало. Не то чтобы все, но на пару пожизненных сроков хватит.

– Я согласен на любые ваши предложения, – лепетал контрабандист. Разведчики умели убеждать.

– Стало быть, летишь на Фомальгаут в своем корыте, берешь там груз – и шпаришь с ним прямиком в Пчелиный рукав. На Безмятежность.

– Это туда, где снежники живут? – вздрогнул Винсент. – Плюшевые самураи? – Обитаемый космос и его окрестности он знал неплохо, и по галактической географии в школе у него всегда была пятерка.

– Именно туда. Только груз будет не для снежников, а для мрызлов.

– Но, насколько я знаю, мрызлы оккупировали эту планету. В чем проблема?

– В том, что мрызлы контролируют подходы к планете, а галактический триумвират – подходы к звездной системе. Мрызлы держат в осаде снежников, триумвират – мрызлов. Поэтому мы и посылаем с грузом тебя, а не торговый корабль, который проверят вдоль и поперек. Усек?

– Усек.

– И не вздумай признаться, что ты работаешь на разведку, если тебя поймают. Лучше сразу язык проглоти.

– А пытать они меня не будут?

– Кто – они?

– Ну, кто поймают...

– Непременно будут. Поэтому мы и даем тебе добрый совет сейчас, до того как все началось. Когда сможешь вылететь?

– Через неделю.

– Врешь. Яхту починят завтра. Завтра и полетишь...

– Но я обещал своей девушке провести отпуск с ней.

– Твои проблемы. Полетное задание и лист контактов тебе доставят в Севастополь.

– А деньги... Сколько вы платите?

– Парень, большая честь работать на разведку! Тем более, на разведку своей Родины!

– Ясно... Вы не заплатите ничего. А топливо мне тоже за свои деньги покупать?

– Можешь занять у кого-нибудь.

* * *

Марина встретила Горшкова на пороге. Зеленые глаза ее недобро горели, пухлые губки дрожали.

– Ты махал крыльями любви не слишком часто. Или они не так велики, как ты меня уверяешь?

– Дорогая, на меня напали на улице... Три мордоворота. Хотели отнять твои цветы! Представляешь?

– На тебя напали? – девушка охнула и присела на пуфик. – Ты вызвал милицию? Или пытался драться с ними сам?

– Я не пытался. Я дрался. Только цветы... Они совсем помялись. Пришлось их выбросить.

– Ой, у тебя царапины на лице... Что было нужно этим подонкам? Неужели тюльпаны?

– Думаю, это конкуренты. Производители кукурузы, салата и прочей ботвы из Ростова. Или поставщики морской капусты из Мурманска. И те, и другие давно подбираются к нашим рынкам сбыта.

– Тем более, нужно обращаться в милицию!

– Нет, никак нельзя. Я связался со своими партнерами... Все сложнее, чем кажется. Мне придется слетать в дальний космос. В Пчелиный рукав, на Безмятежность.

Винсент давно собирался готовить Марину к тому, что он покидает Землю довольно часто. С одной стороны, легенда о клонированном картофеле служила хорошим прикрытием, начини власти допрашивать его девушку. С другой – Марина презирала его профессию мирного торговца. Она хотела большего...

– На Безмятежность? К снежникам? – девушка едва не задохнулась от восторга. – Мне они так нравятся! Плюшевые самураи... Это великолепно! Но там сейчас напряженная обстановка – по стереовидению передают чуть ли не каждый день. Вряд ли туда делают рейсы пассажирские космолайнеры.

– В том-то и соль. Я полечу на своей яхте. На «Бегущей».

– Но ты ведь говорил, что никогда не был на ней дальше Сатурна!

– Зато в студенческие годы исследовал пояс астероидов. Это самое сложное. Лететь от звезды к звезде – все равно, что гнать по пустой скоростной трассе. А вот полет среди астероидов с использованием квантового двигателя – как вождение в городе с оживленным движением.

– Ты возьмешь меня с собой. – Марина не просила, не предлагала – она просто констатировала факт.

– Дорогая, там может быть опасно...

– Но ты же летишь? Мы будем делить опасности. Разве тебе этого не хочется?

– Откровенно говоря, нет. Женщины – хрупкие существа. Ты очень мне дорога...

– И поэтому я должна сидеть у домашнего очага и готовить еду? И не помышлять о дальних странствиях? Может, ты так считаешь, Винсент? – глаза Марины стали очень строгими.

– Нет, что ты, я за равноправие...

– Тогда и разговора быть не может о том, чтобы ты меня не взял. Во-первых, я в отпуске. Во-вторых, я всегда хотела посмотреть на снежников. И, в-третьих, у тебя есть яхта, и ты все равно летишь туда! А если ты откажешься – между нами все кончено!

* * *

Землю покинули без проблем. Полчаса на сверхзвуковом лайнере от Москвы до Севастополя, проверка систем яхты, старт с понтона в Черном море. Никаких «хвостов» – если только за яхтой не следили с помощью сотни кораблей – движение в Солнечной системе очень плотное, квантовые сонары практически не выключаются.

Даже на Фомальгауте за Винсентом, кажется, никто не присматривал. Он предъявил каким-то мрачным типам в полузаброшенном ангаре гарантийное письмо, больше похожее на зажеванный протонным принтером лист пластобумаги. Взамен получил два металлических бочонка с плотно завинченными крышками и электронными замками. Открыть такой замок без знания кода нельзя, бочку можно вскрыть, только испортив содержимое – даже самый хороший резак раскалится докрасна, когда нужно пилить титан.

Мрачный мрызл в консульстве – ящерица-ящерицей – подписал документы, после чего «Бегущая» стартовала в систему Безмятежности.

Что и говорить, Горшков размышлял над тем, чтобы развернуть яхту куда-нибудь прочь от галактической оси – и удрать от всех проблем с любимой девушкой, найти какую-то дикую

планетку, поселиться там на пару лет... Только так ли легко скрыться от разведки? Да и «Бегущую» вполне могли снабдить не только маячком, но и устройством самоликвидации. Лучше выполнить заказ – и рассчитывать на благородство служивых.

Яхта вынырнула из подпространства в бездонной черноте космоса в двадцати астро-единицах от Солнца Безмятежности. Крупными алмазами, сапфирами и рубинами сияли ближайшие звезды, друзьями драгоценных камней горели звездные скопления, светящейся пылью рассыпались по черному бархату небес туманности. Марина, взглянув в иллюминатор, прошептала:

– Как красиво! И почему мы прежде не летали сюда?

– Мы сейчас на самом краю Галактики, – объяснил Винсент. – И будем пробираться вон к той звезде... В другое время я бы пристроился в хвост к какой-то комете, но мы должны долететь быстро. Поэтому придется поиграть в пятнашки с крейсерами. Не боишься, любимая?

– На нас будут охотиться?

– Непременно.

– А мы прокрадемся на планету, как самые настоящие контрабандисты?

– Именно.

– С тобой я ничего не боюсь!

Винсент решительно повернул штурвал и бросил яхту в квантовый прыжок. Звезды вспыхнули и погасли, Солнце Безмятежности придвинулось на астроединицу, заметно выделившись среди других светил. Все тихо, патрульных кораблей триумвирата не видно. Горшков прыгнул опять...

До пояса астероидов добрались без проблем. Там Винсент посадил яхту на двухкилометровую металлическую болванку, которая, в свою очередь, вращалась вокруг астероида километров тридцати в диаметре.

– Надо осмотреться, – шепнул он Марине. – Пользоваться квантовым сонаром небезопасно, по пеленгу нас сразу обнаружат. Осмотримся в оптическом диапазоне. А для этого нужно подождать с полчаса – свет распространяется не слишком быстро.

– Ты, наверное, долго готовился к этому приключению? Можно подумать, что ты каждый день этим занимаешься...

– Книг много прочитал, – Винсент приобнял подругу. – Ты лучше скажи, откуда у тебя такой интерес к снежникам? Да, они великие воины – но я прежде не замечал, чтобы ты интересовалась битвами...

Марина рассмеялась.

– Ты что, не смотрел мультфильмы о плюшевых самураях?

– Нет... То есть да, видел что-то... Но о какой галактической расе не делали мультиков?

– Вот что значит быть на пять лет старше! Да мы не отрывались от стереовизоров, когда выходила очередная серия «Самурая»! Главным героем был снежник Бобо, который не пускал захватчиков на свою землю. Он был такой пушистенький, с огромными глазами... И такой храбрый! У меня до сих пор где-то лежит коллекция значков с Бобо. И брелок на ключах – вот, гляди!

Несколько магнитных карточек, которые Марина продемонстрировала Винсенту, были соединены вместе тонкой серебряной цепочкой, на которой висел медальон: из-за толстого хрустального стекла смотрела снежно-белая мордочка милого пушистого зверька.

Горшков вздохнул.

– А я везу картошку их врагам. Мрызлам, которые пытаются установить контроль над Безмятежностью. А может, и что-то похуже картошки...

– Плюшевых самураев не удавалось покорить никогда и никому. Потому что они ничего не боятся, и бьются с врагами, пока достанет сил! – горячо воскликнула Марина.

– Да, да, – тоскливо протянул Винсент. Настроение у него окончательно испортилось.

* * *

Пока бортовой компьютер яхты сканировал окрестности в поисках крейсеров триумвирата и авианосцев мрызлов, а Марина принимала ультразвуковой душ, Винсент изучал бочонки, которые получил на Фомальгауте. Изготовители не слишком заботились о конспирации – на боковой стенке контейнеров были привинчены таблички, испещренные химическими формулами. В базе данных компьютера нашлась информация об этих веществах, которые оказались психотропными препаратами, вызывающими страх, тревогу, неуверенность в себе...

Зачем они мрызлам, догадаться нетрудно: снежники не боятся ни смерти, ни боли, их нельзя подкупить или запугать, они бьются за свои селения до последнего, им ничего не стоит ворваться в лагерь врага и взорвать его вместе с собой... Снежников нельзя победить – их можно только убить. Но если захватить нескольких плюшевых самураев и целенаправленно обрабатывать их психотропными веществами, наверное, можно сломить их волю. И тогда рухнет легенда о непобедимых бойцах, о самых смелых и благородных существах цивилизованного космоса.

Винсент вывел в проекционную нишу стереоустановки изображение снежника в полный рост. Больше всего он походил на стоящего на задних лапах белого медвежонка с большой головой и умным взглядом. Ростом снежник был около метра. Мог прыгать на три метра в высоту, бежать на двух ногах со скоростью около пятидесяти километров в час. Крепкие руки плюшевого самурая были приспособлены для выполнения самых сложных операций. Голографический снежник держал в правой лапе кривую саблю с синеватым отливом. Даже в позе его читалась решимость и самоотверженность.

Говорят, нет друга лучше, чем снежник. Но они редко покидают свою планету, а сейчас, когда в Пчелином рукаве начали баламутить мрызлы, и на Безмятежности вновь вспыхнул конфликт, их редко стали видеть в цивилизованном космосе. Снежники горды, и ни у кого никогда не просят помощи. Они свято соблюдают законы и договоренности – до сих пор такая политика не подводила их. Беда только в том, что мрызлы коварны, бесчестны и многочисленны...

– Что за интерес может быть у российской разведки к снежникам и мрызлам? – спросил Винсент у бортового компьютера. – Кого поддерживает наша страна?

– Наша страна поддерживает снежников, как и большинство сообществ цивилизованного космоса, – тут же отозвался тот. – Что касается первого вопроса, ответ на него очень пространен, и будет звучать около трех часов, или займет сто двадцать семь стандартных листов для распечатки документации. Подготовить доклад?

– Нет, мне непонятно, зачем мне поручили везти контрабанду мрызлам. Мерзким ящерицам, которые людей и на дух не переносят. Они хуже, чем кабернойцы...

– Возможны варианты, – отозвался компьютер. – Примерно двадцать. Наиболее вероятный – провокация, направленная против мрызлов, контрабандиста или снежников. Предательство интересов нашей страны. Корыстные интересы. Жертва пешки в крупной игре. Часть далеко идущего плана...

– Все может быть. Да только мне от этого не легче.

– Нас обнаружили сонаром! – экстренную информацию компьютер озвучил другим голосом – казалось, что в беседу кто-то вмешался. – Крейсер триумвирата ушел в квантовый прыжок, чтобы поймать нас!

– Марина, держись крепче! – закричал Винсент, стартуя с металлической глыбы и почти одновременно уходя в подпространство. – Началось!

* * *

Яхта металась среди малых планет и прочего околосолнечного мусора. Два крейсера с опознавательными метками триумвирата крепко сели ей на хвост. Спасало Винсента то, что тяжелым крейсерам было гораздо хуже маневрировать среди каменных глыб. А Горшков благоразумно не покидал пояса астероидов.

– Здорово! Как ты их! – восхищалась другом Марина. – Они не будут стрелять?

– Нет. Мы ведь не даем повода. Не стреляем. Не приближаемся. Уничтожить нашу яхту – негуманно.

– А если они нас захватят с помощью силовых экранов?

– Это будет нехорошо...

– Нас посадят в тюрьму?

– Нет, это вряд ли... Скажем военным, что заблудились... Сломался квантовый передатчик, и мы думали, что за нами гонятся пираты. Но лучше не попадаться.

Еще один прыжок – и «Бегущая» выскользнула из пояса астероидов, стремительно помчалась к планете. Крейсера не смогли прыгнуть следом – путь им преградил каменный мусор, и, пока они огибали облако, яхта ушла слишком далеко.

– Это было не так сложно... Половина дела сделана, – заявил Винсент, когда Безмятежность возникла перед яхтой внушительных размеров голубым шаром.

– Почему половина?

– Остаются мрызлы.

Черноту космоса вспорол зеленый луч, ударивший в борт яхты.

– А они не слишком церемонятся! – закричал Винсент. – Мерзавцы!

«Бегущую» потрянуло – если бы не дополнительный силовой экран, ее бы просто разнесло на куски.

– Ты же говорил, они не станут стрелять!

– Я говорил о кораблях триумвирата. Мрызлы – подонки. Экстренная посадка!

Яхта совершила еще один скачок и воткнулась носом в атмосферу планеты. Оставляя за собой дымный след, «Бегущая» понеслась к земле. Зеленые сполохи сопровождали ее полет. К счастью, лазерные лучи искажались и ослаблялись в ионизированных слоях атмосферы.

Сели в лесу, сломав несколько деревьев.

– Мы влипли, детка, – сообщил Винсент Марине. – Первый раз в нас могли выстрелить случайно, не разобравшись. Но потом они палили сознательно. А ведь видели, что мы спасаемся от крейсеров триумвирата! Как бы они не распылили нас прямо здесь... Тебе кто больше по душе, снежники или мрызлы? Только помни, эти снежники – не те пушистые самураи, которых ты видела в мультиках. И мы летели с грузом к их врагам!

– Не ожидала от тебя такой подлости. Но ты ведь раскаиваешься?

– Да. Понимаешь, у меня просто не было другого выхода...

– Выход всегда есть. Надо лететь к снежникам. Они самые великодушные существа, и не поступят с тобой плохо.

– Но они могут поступать справедливо. А для меня это не сулит ничего хорошего... Впрочем, решено – сдаемся снежникам! В скутер!

Воздушный мотоцикл с притороченными к нему бочками не успел отлететь от «Бегущей» и километра, когда с неба на яхту упала фиолетовая сеть силового поля. Беглецы успели вовремя.

* * *

Поселение снежников выглядело тихим и безмятежным. Низкие дома с покатыми крышами и круглыми окнами, зеленые лужайки перед ними, никаких заборов. Несколько снежников занимались своими делами. Почти каждый был вооружен, но оружие выглядело естественно – без него в снежниках словно бы чего-то не хватало.

Винсент посадил скутер прямо посреди деревни. Невозмутимый плюшевый самурай, который оказался ближе всех к месту посадки, подошел к людям и проговорил что-то на своем языке. Звучал он переливчато, но временами напоминал кваканье. Голос снежника был высоким, но приятным.

Излучатель лежал в боковом ящике скутера. Поразмыслив, Горшков решил, что он ему ни к чему, спрыгнул на траву и, показав снежнику пустые руки, произнес по возможности четко и внятно:

– Я русский. Кто-то из вашей деревни говорит по-русски? Мы пришли с миром. У меня есть важная информация.

Плюшевый самурай, казалось, о чем-то задумался. Потом медленно выговорил:

– Мы рады видеть вас. Мы слушать ваши предложения.

– А у вас есть кто-нибудь... Главный?

– Вы говорите предложение мне. Я передаю всем. Сейчас соберу народ.

Казалось бы, их собеседник никого не звал, но снежники словно сами собой начали собираться вокруг скутера.

– И не бояться, – шепнул Марине Винсент. – Вдруг у нас бомба в скутере? Или я сейчас пулемет достану...

– Они никогда никого не бояться, – девушка говорила с такой гордостью, будто плюшевые самураи были ее родными братьями. Зеленые глаза Марины светились восторгом.

Когда снежников собралось достаточно много, Винсент отстегнул от скутера бочки и указал на них пальцем:

– Здесь наркотики. Я вез их для мрызлов. Точнее, по заказу мрызлов.

На плюшевых мордочках снежников не отразилось никаких чувств. Впрочем, мимика у них была небогатой.

– Я контрабандист.

– Контрабандист – плохо. Контрабандистов надо убивать, – бесстрастно заявил один из снежников, с бурыми подпалинами на белоснежной шкуре. Похоже, подпалины эти были искусственного происхождения. Скорее всего, в него стреляли из лучевого оружия, или он получил кислотные ожоги.

– Я – хороший контрабандист, – попытался оправдаться Винсент, которого заявление снежника не слишком порадовало. – И понял, зачем мрызлам наркотики. Они собирались воздействовать с их помощью на вас. Надеялись поселить в ваших сердцах страх и подчинить себе.

– Ты считаешь, это хорошо? – спросил снежник, который встретил их первым. Он по-прежнему оставался бесстрастным.

– Отвратительно! Именно поэтому я полетел в деревню снежников, а не к мрызлам.

– Ты хочешь смерти? – спросил плюшевый самурай с подпалинами.

– Нет, ребята! Вы, конечно, славные, но очень уж незатейливые! Я прилетел специально, чтобы вас предупредить. Хотел помочь вам! Мне нравятся снежники, и я не хочу работать на мрызлов.

– Снежники нравятся всем людям! – вставила Марина, которой, видно, тоже не очень понравилось направление разговора. – Вот, смотрите!

Она показала брелок со снежником. Плюшевые самураи закивали, загомонили на своем языке.

– Если наркотики нужны мрызлам, они их ищут, – заявил снежник маленького роста, покачивая головой. – Они знают о вас. Нападут на деревню.

– Они уже летят сюда! – заявил самурай с подпалинами. – Наблюдательный пункт на Моховом Холме засек их корабли. Гости, в укрытие! Бочки мы тоже потащим туда!

Десятки мохнатых лап подхватили контейнеры, Винсента и Марину, и потянули прочь от скутера – к одной из хижин. В ней обнаружился деревянный люк в длинный подземный ход.

Уже под землей Винсент спросил у девушки:

– Слушай, если ты такая специалистка по снежникам, скажи мне, откуда они все знают русский язык? Как-то странно даже.

– Все наверняка русского не знают, но они могут общаться телепатически – так что достаточно даже одного, кто знает. А вообще, снежники – полиглоты. Выучить десяток галактических языков для них – норма. Они очень образованны и умны.

Наверху грохнуло. Земля задрожала.

– Вот оно как... Телепаты... Значит, те, кто с нами, в курсе, что творится на поверхности?

– Скорее всего, так.

– Ну, и мы сейчас будем в курсе... Может быть. Если скутер не раздолбили. – Горшков включил экран коммуникатора, сделал запрос на трансляцию изображения с обзорной камеры скутера.

Два десантных бота мрызлов зависли над дымящимися хижинами и поливали огнем все вокруг. По вражеским кораблям стреляли из портативных излучателей и зенитно-ракетных комплексов плюшевые медвежата – так, во всяком случае, это выглядело со стороны. Белая шерсть не была лучшей маскировкой среди зеленой травы. Тела многих снежников уже дымились. Тяжело раненные вставали в полный рост и стреляли по кораблям, ничего не опасаясь. Некоторые бежали к вражеским ботам, надеясь, видимо, подорвать их – но падали под ударами излучателей. Никакой суеты, никаких лишних движений. Снежники сражались и умирали достойно.

– Я не могу на это смотреть... – в глазах Марины стояли слезы. – Они ведь воюют из-за нас.

– Война началась давно, – Винсент вздохнул, – но не скажу, что меня это утешает.

Плюшевым самураям удалось подбить оба десантных бота – они врезались в землю и взорвались. Но к деревне подошли еще четыре корабля, и среди них – летающая крепость. Огнем бортовых орудий мрызлы подавили последние очаги сопротивления. Деревня была полностью уничтожена.

Коридор, проплутав метров пятьдесят под землей, заканчивался в небольшом тускло освещенном зале. Около Винсента и Марины остался только один снежник с подпалинами, который при знакомстве грозил Винсенту смертью – остальные бросили бочки и поднялись наверх, биться.

– Что теперь? – угрюмо спросил контрабандист.

– Будем защищаться до последнего.

– И мы все умрем? – дрожа, спросила Марина.

– Наверное, – спокойно ответил снежник. – Он вынул из ножен клинок, достал из ящика в хранилище еще один – и стал посреди коридора, ведущего в подземный зал. Вдали уже грохотали шаги.

– Тебя оставили одного... – прошептала Марина. – Почему вы не заняли оборону в подземных тоннелях?

Снежник ударил клинком о клинок и ответил:

– Мы на своей земле, и не собираемся прятаться в норах. А для того, чтобы удерживать проход в подземелье, достаточно одного воина. Я надеюсь продержаться десять минут. Не вмешивайтесь.

Мрызлы шли по коридору плотной толпой.

– Не стрелять! Не стрелять! – кричал низкий, чем-то напоминающий механический голос на трансгалактическом языке. – Тем, кто сдастся, мы сохраним жизнь!

– Контейнеры с наркотиками все равно достанутся им, – прошептал Винсент.

– Воины нашего народа никогда не сдаются, – коротко ответил плюшевый самурай. – И не идут на сделку с врагами.

Ему удалось продержаться двадцать три минуты. Мрызлы напозлали бронированными волнами, рубили противника вибромечами и теснили титановыми щитами. Снежник находил бреши в обороне, рубил, колот, насакивал, отступал. Он сражался после того, как пропустил удар острым углом щита. Он бился, когда вибромечом ему отрубили руку. Но в конце концов он упал под ноги своих врагов. Когда-то снежно белую, а теперь грязно-бурую с алым шерсть топтали перепончатые лапы мрызлов.

Крупный ящер подошел к Марине и Винсенту и прошипел на межгалактическом:

– Мы освободили вас, хотя это нам дорого стоило. Приносим свои извинения за атаку на орбите. Нам не удалось сразу опознать ваш корабль. По нашей вине вы заблудились и попали к врагам. Теперь вы в безопасности. У друзей.

Марина заплакала. Винсент сплюнул в сторону и бросил на русском:

– Да пошел ты, мерзкий ящер! Я и летел к снежникам. Коды доступа к контейнерам вы не получите.

– Плохо понял, – на русском отозвался мрызл. – Ты хочешь сказать, что вез товар не нам?

– Вез вам, да передумал. Не отдам.

– Мы все равно забираем! – от волнения мрызл стал заикаться.

– Девушку отпустите. А со мной делайте, что хотите. Я ваш враг.

– Нам есть все равно. Коды доступа имеются. Вы будете выдворены из системы в семь стандартных часов. Если пообещаете молчать.

– Такого обещания я вам не дам.

– И я тоже, – сквозь слезы заявила Марина.

– Командование решит, что с вами делать.

* * *

В десантном боте мрызлов было тесно и отвратительно пахло – металлом, какой-то кислятиной и чем-то еще более отвратительным. Наверное, так пахнут больные ящерицы.

Винсенту сковали руки за спиной, Марину пока не трогали. Мрызл в зеленой форме с золотыми нашивками на воротнике допрашивал контрабандиста на интергалактическом:

– Почему вы решили изменить маршрут? Переметнулись к нашим врагам – снежникам?

В другом случае Винсент был бы рад пойти на попятный. Но рядом была Марина, и она никогда не простила бы ему этого. А теперь, после гибели деревни плюшевых самураев, такого поведения не простил бы себе он сам.

– На орбите по нам был открыт огонь, – ответил Горшков. – И я понял, что мрызлы – враги.

– Вы не подумали, что произошла досадная ошибка?

– Нет. Я подумал, что выполняю чудовищный заказ, доставляя вам наркотики. И решил плюнуть на все – никто меня не запугает! Ни продажные политики, ни вонючие ящерицы.

Мрызл ударил Винсента по лицу. Марина закричала. Ящер замахнулся и на нее.

– Посмейте только тронуть девушку! – сплевывая кровь, пробормотал Винсент.

– И что будет? – оскалился мрызл. – Кто тебя нанял? Говори!

Горшков открыл рот и тут же его захлопнул. Что за вопросы? Они не знают, от кого идет товар? Как такое может быть? Разведка вела двойную игру? Или те парни, что пресовали его около дома Марины – вовсе не из разведки? Где это видано, чтобы разведчики представлялись, ничуть не скрываясь, а потом отпускали контрабандиста на волю случая?

– Ну! Не молчать! Иначе я ударю тебя, потом ударю твою женщину...

– Меня не нанимали. Меня заставили лететь к вам. Трое каких-то мордоворотов.

– Они ничего не заплатили?

– Нет.

– Вы слышите это, высокие? – мрызл, похоже, обратился к кому-то, кто неустанно следил за ходом допроса с помощью средств связи. – Мы едва не пострадали из-за жадности людей! По их вине погибли наши солдаты... И ты был настолько глуп, чтобы не убежать, контрабандист?

– Они угрожали мне... Их аргументы были весомыми.

– Возможно. А теперь ты скажешь нам код доступа к содержимому контейнера – вдруг наши хитроумные и жадные партнеры указали нам неверные цифры?

– Не скажу.

Мрызл ударил Марину – по щеке, вскользь. Девушка бросилась на обидчика, но ее тут же скрутили два солдата, присутствующие при допросе.

– Не говори! Не говори им, Винсент, – захлебываясь плачем, просила она.

– Мы ведь еще и не начинали мучить вас по-настоящему, – мрызл показал все свои сорок два зуба. – Как, по-твоему, твоей кошечке понравится, когда я откушу ей ухо? А потом и что-нибудь еще? – Он щелкнул зубами.

– Я все скажу.

– Нет! – из последних сил закричала Марина.

– Восемь, два ноля, три тройки, сорок пять, десять, – проговорил Винсент, чтобы не передумать.

Мрызл поспешно набрал комбинацию на электронном замке контейнера. Тот щелкнул и загорелся зеленым светом.

– Есть, высокие! Товар на месте, – сообщил он, снимая с бочки тяжелую крышку.

– Хрымп урва! Сект дхим! – раздался скрипучий голос из динамика. Хотя Винсент и не знал языка мрызлов, некоторые слова, необходимые контрабандисту, он выучил. Этого хватило, чтобы понять смысл команды: «Товар за борт! Убейте их!»

Горшков упал на колени – но вовсе не для того, чтобы просить о пощаде. Головой он ударил мрызла-командира в живот. Солдаты отпустили Марину и бросились на него. Девушка кинулась в потасовку – спустя несколько мгновений по полу катался клубок переплетенных тел. Теснота отсека лишала более многочисленных и сильных мрызлов преимуществ. Если бы у Винсента были свободны руки – возможно, он и смог бы что-то сделать. Но пока – его колотили, как боксерскую грушу. Одно хорошо – пустить в ход излучатели в такой сутолоке не представлялось возможным.

Когда Марину отшвырнули в сторону, а Винсента прижали к полу когтистые лапы, и надеяться было уже не на что, контрабандист почувствовал, как все мышцы его расслабляются, словно при ударе армейским парализатором. Он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Но слабость эта не была приятной – а сверху навалились обмякшие мрызлы. Винсент

почувствовал, что по нему что-то течет, и это ему совсем не понравилось. Десантный бот трянуло и повело к земле. Лязг, удар, и все стихло – а сознание Горшкова померкло.

* * *

В кают-компании линейного корабля российского космофлота работали сразу два стереовизора, настроенных на разные каналы. Но и по одному, и по другому шли горячие репортажи о высадке десанта на Безмятежность. Силы триумвирата атаковали базы мрызлов и практически без боев вышвыривали ящеров с планеты снежников.

Винсент сидел в удобном кожаном кресле с бокалом апельсинового сока в руке и с тоской смотрел стереовизор. В себя он пришел уже на корабле, в медицинской каюте. Молчаливый доктор бегло осмотрел его и проводил в кают-компанию, где он и ждал решения своей участи. Довольно-таки странно, что на него не надели наручники – даже сняли те, в которые заковали его мрызлы – и вообще, оставили без охраны. Но куда бежать с корабля, дрейфующего в открытом космосе?

Марина появилась в кают-компании спустя пятнадцать минут после того, как туда привели Винсента. Она пришла в сопровождении красивого и подтянутого офицера, который широко улыбнулся Горшкову.

– Самого замели, девушку уведят, – тихо прокомментировал происходящее контрабандист. – Где правда?

– Здравствуйте, Винсент! – обратился к нему офицер. – От имени государства приношу извинения за причиненные вам неудобства.

Горшков только шире открыл глаза.

– Мне выпала честь представлять службу внешней разведки...

– Понял, – мрачно буркнул Винсент.

– Ничего вы не поняли, – нахмурился офицер. – Те люди, которые выходили с вами на контакт в Москве, оказались нечистыми на руку, вступили в переговоры с врагом. Но мы вовремя разгадали их планы и контролировали ситуацию. Благодаря вашей самоотверженности и находчивости мы получили неопровержимые доказательства того, что мрызлы ведут себя на Безмятежности недопустимо, нарушая все законы цивилизованного космоса. Сами снежники не могли обратиться с просьбой о помощи к триумвирату – это противоречит их понятиям о чести. Но, когда члены руководящего совета увидели кадры уничтожения деревни, а потом вашего допроса, и узнали о планах мрызлов, даже самые жесткосердечные проголосовали за проведение военной операции.

– Как же они все это увидели, мне любопытно?

– С помощью передатчиков, которыми была снабжена ваша космическая яхта, ваш скутер, ваш полетный комбинезон и даже сумочка вашей прелестной подруги. Не говоря уже о вживленных вам под кожу микрофонах и камерах, передатчиках и ретрансляторах. Мы имели право вести оперативную съемку и трансляцию – ведь речь идет о наркотиках.

– Когда же вы успели вживить мне камеры?

– Нам помогла Марина. Ведь она не только прелестная девушка, но и наш сотрудник. Не только вы скрывали род своих настоящих занятий.

Горшков пытался что-то сказать, но не мог.

– Так было надо, Винсент, – улыбнулась Марина. – А ты проявил себя с самой лучшей стороны. Я люблю тебя.

– Радует, – совсем уж невежливо ответил Горшков в ответ на слова, которые мечтал услышать целый год. – Значит, будешь писать письма в колонию, куда меня отправят твои коллеги.

– Обвинения с вас сняты. Вы, можно сказать, кровью искупили свою вину, – ничуть не смутился и не обиделся разведчик. – Конечно, вы не будете награждены, как произошло бы в другом случае – но все ваши прежние проступки амнистируются. Станьте честным гражданином – и государство не будет иметь к вам никаких претензий.

Винсент тяжело вздохнул, хотел сказать еще что-то, но махнул рукой. О полетах к далеким звездам с незаконным товаром, о романтике тайных троп можно забыть – за каждым его шагом будут следить внимательные глаза. Придется и правда строить фабрику по производству клонокартофеля. Может быть, у служивых хватит совести не конфисковывать средства с его счетов?

– А снежки теперь не объявят войну силам триумvirата, вторгшимся на их планету? – подозрительно спросил Горшков. – Мне бы очень не хотелось покупать себе свободу тем, что я подставил таких славных парней...

– Мы не задержимся на Безмятежности. Дадим урок мрызлам – и выведем отсюда все силы. Как правило, снежки могут постоять за себя сами. Мрызлов было очень много, они долго готовили вторжение. Только поэтому им удалось задержаться на планете. Но ничего хорошего их там не ждало.

– Плюшевые самураи в любом случае победили бы их, – убежденно заявила Марина. – Винсент, ты хочешь посмотреть корабль?

– Лучше бы я сначала принял душ, – заявил Горшков, ревниво взглянув на чистого и гладко выбритого разведчика. – Хочешь, мы сделаем это вместе, любимая?

Марина улыбнулась и кивнула.

Бобры

– А давайте съедем меня, – предложил Джок.

Алена поперхнулась чаем, я отставил алюминиевую кружку в сторону – хорошо, что кипятка в ней уже не было. Вполне мог облиться.

– Нет, действительно, мы не сможем идти три дня по степи без пищи, – продолжил свою мысль Джок. – Еду здесь найти не удастся. Правда, без меня вам придется взять больше груза, но на сытый желудок справитесь. Разве не так?

– Нет, не так, – вздохнул я. – Мы не можем тебя съесть.

– Ты предлагаешь пожертвовать Аленой? Мне кажется, это не совсем разумно. Она сильнее меня и выносливее, а то, что в ней больше питательных веществ, сейчас не имеет серьезного значения. Если бы нам пришлось идти две-три недели – дело другое, я поддержал бы такую идею. Но на три дня столько пищи не нужно.

В животе у меня заурчало, но голодные спазмы заглушили рвотные позывы. И ничего хорошего в этом не было – я чувствовал себя просто отвратительно.

– Мы никого не будем есть, – строго сказала Алена. – Если нам суждено дойти – дойдем...

– Не суждено, – решительно заявил Джок. Широкий хвост его возмущенно встопорщился. – Упадем посреди степи, чертежи и образец левитатора достанутся гмусам, и наша цивилизация понесет существенные потери. Как знать, смогут ли восстановить чертежи ученики Саншока? Они уникальны... Да и вам, землянам, такой оборот дел совсем не с руки. К тому же, можете не сомневаться, гмусы объедят всех нас. Они не трогают тех, кто шевелится, но обессиленных и потерявших сознание вполне могут сжевать. Я предпочитаю, чтобы меня съели друзья, а не какие-то медлительные тупые твари, которые с равным удовольствием жрут и металл, и пластик, и бумагу... Ведь вы мои друзья?

Слово «друг» для Джока было новым – мы с Аленой объясняли ему это понятие всю дорогу. Бобры относятся друг к другу не так, как люди. Не хуже, не лучше – но не так. Вчера Джок, наконец, понял, что мы имеем в виду – и теперь мы никак не могли разочаровать его.

– Да, мы друзья.

– Значит, вы должны помогать мне? А я должен помогать вам?

– Конечно.

– Тогда нам нужно сохранить изобретение Саншока, так некстати отправившегося в Зеленые Сады...

– Мы подумаем, что еще можно предпринять, – сказал я, поднимаясь на ноги.

Костер почти потух, но большая синяя луна – на самом деле, такая же планета, как и Священная Роща – хорошо освещала степь. Алена выплеснула остатки травяного отвара, который уже не бодрил, а только оставлял горький привкус во рту, на землю и убрала котелок в рюкзак.

– Поспим? – спросила она.

– Выспались днем. По жаре идти хуже. Нам надо спешить, – заявил Джок.

Девушка вздохнула, но бобер был прав – если мы хотим куда-то прийти и не стремимся быть обглоданными гмусами, надо двигаться. На Священной Роще степь – не лучшее место для отдыха.

Джок бодро ударил хвостом о землю, подхватил рюкзак – размером едва ли не с него – и зашагал на юго-запад, загребая траву короткими сильными лапами. Наш путь лежал к большой реке, где мы оставили плот и часть припасов.

– Вот вы говорили, что у себя дома летаете по воздуху, – начал рассуждать Джок. Заставить замолчать любого бобра, если он принял тебя за своего и решил, что общение может

принести пользу, довольно-таки проблематично. Они очень любят поговорить. – Почему же ходите пешком здесь?

– Электромагнитные двигатели останавливаются и сгорают из-за скачков поля на вашей планете, – объяснил я. – Слишком велик риск при полетах. Легко разбиться.

– И разбить машины! – Джок поднял вверх средний палец – у бобров этот жест обозначал призыв к вниманию.

– Да, и разбить машины, – тоскливо согласился я. – Наша экспедиция не захватила с собой ни наземных вездеходов с двигателями внутреннего сгорания, ни вертолетов, ни даже обычных велосипедов...

– О, велосипеды, – круглые глаза Джок, обрамленные пушистыми ресницами, буквально загорелись в темноте. – Счастлив придумавший велосипед!

Еще бы... Когда мы передали бобрам чертежи велосипеда в качестве жеста доброй воли, их восторгам не было предела. Колесо они изобрели, их повозки работали на двигателях самых разных принципов, но такое изящное решение: два колеса-гироскопа, механический привод на одно из них... К тому же, движение осуществляется за счет мускульной силы! Короткие и сильные лапы бобров были не слишком приспособлены для того, чтобы крутить педали – но энтузиазма у них хватало. Жаль, производство велосипедов еще не поставлено на поток, и мы пошли в оазис Саншока пешком. Этнографическая экспедиция, будь она неладна...

Рацию и припасы съели гмусы, подкравшиеся к лагерю две ночи назад, да и прежде мы сидели на голодном пайке – в оазисе Саншока случился неурожай, мы оставили большую часть продовольствия соратникам учителя. И все равно нам с Аленой повезло: никто из людей прежде не видел оазиса Саншока, который представлял собой то ли философскую школу, то ли лабораторию. Уклад жизни там, пожалуй, чем-то напоминал буддийский монастырь в Тибете. И условия жизни были похожие – не слишком много еды, суровый для Священной Роши климат. Оазисы пользовались славой у всех бобров. Каждый мечтал попасть в оазис к какому-нибудь учителю – ведь там создавались самые удивительные вещи...

– Джок, а если бы велосипед придумал ты... Что бы изменилось? – спросила Алена.

– Я бы захлебнулся от счастья, – отозвался бобер, погладив себя по мохнатым щекам. – Но, увы, пока я разработал только шестеренку для понижения привода в парусной грузовой повозке и своими руками и зубами выточил двадцать колес, три оси и одну мачту. Мне пока нечем гордиться. Поэтому меня вполне можно съесть, даже по вашим меркам. Если к десяти годам разумное существо не сделало никакой хорошей вещи, не изобрело ничего стоящего, оно вполне может отправляться в Зеленые Сады – в этом воплощении оно будет выполнять только механическую работу и не принесет слишком большой пользы обществу.

Радости и печали бобров, а также искренние проявления их чувств и незамысловатого характера меня смущали. Как и поведение... Взять те же колеса на повозках. Они усердно выгрызали их – по несколько штук за год, своими зубами, из дерева, напоминающего земной ясень. Поэтому, еще наблюдая цивилизацию с орбиты, мы назвали здешних гуманоидов бобрами. Внешнее сходство тоже было налицо. Бобры ничуть не обиделись на такое прозвище.

Надо заметить, что колеса они грызли, хотя деревообрабатывающие станки у них имелись. Возможно, обработка колес подавляла или, напротив, реализовывала какие-то животные инстинкты? Или данная работа считалась сакральной? Нам пока не удалось этого выяснить...

Вообще, цивилизация бобров отличалась своеобразием, даже уникальностью. Пожалуй, она была самым интересным, что удалось найти в исследованном людьми рукаве Галактики. Обитатели Священной Роши, с которыми мы познакомились какой-то год назад,

охотно, даже с упоением учились, всеми силами развивали науку и технику – и совершенно не заботились о себе. Точнее, они обслуживали себя точно так же, как созданные машины. Но машины ценились у них гораздо дороже.

Ни один бобер не видел ничего плохого в том, чтобы пожертвовать своей жизнью ради общего дела. Сначала мы полагали, что в этом виновата тоталитарная цивилизация, какой-то жестокий верховный правитель. Но нет, позже выяснилось, что правителей на Священной Роще, в городах, оазисах и лесах нет вообще. Система ценностей у бобров была отличной от всех разумных существ – они развивали материальную и духовную цивилизацию, полностью игнорируя собственные личности. И когда Джок говорил, что мог захлебнуться от счастья, если бы ему удалось сделать по-настоящему ценное открытие, он не имел в виду, что получил бы своим открытием выгоду для себя. Он бы внес вклад в развитие цивилизации – высшее счастье, доступное разумному существу. А великого учителя Саншока, замечательного изобретателя, чертежи которого мы несли сейчас в город, вообще съели сородичи. Бескормица, а бобер был уже старым...

Травяные поля серебрились под синей луной. Джоку трава доходила едва ли не до шеи, нам с Аленой была по пояс. Мы брели, брели, спотыкались о размытые зимними дождями ямы. Ноги болели, одолевала слабость.

– Трое суток до реки, – время от времени повторял Джок. – Мы не дойдем. Я уже слышу дыхание гмусов.

Мы с Аленой не могли чувствовать этих наполовину хищников, наполовину падальщиков так, как бобер. Но краем глаза я видел серые тени, ползущие в нескольких десятках метров от нас, и ощущал чье-то скрытое присутствие.

Под утро мы уже не могли идти. Когда край неба просветлел, Алена тяжело опустилась на траву и спросила:

– Неужели в степи никто не живет?

– Нет. Наш народ живет в лесах и у водоемов, – ответил Джок.

– Я имею в виду каких-нибудь животных... Которых можно было бы съесть.

Джок взглянул на девушку неодобрительно:

– Почему ты не хочешь есть меня, но хочешь убивать и есть какое-то животное? Я не понимаю.

– Ты наш друг. Ты разумный. Если мы тебя съедим, тебя не будет.

– Что за глупости? – Джок показал длинные желтоватые резцы. – Я буду – просто уйду в Зеленые Сады. Там прекрасно. Вот если съесть ящерицу – ее не будет. Это точно.

– А ты бывал в Зеленых Садах?

– Из Садов не возвращаются. Зачем? Но я говорил с теми, кто живет там.

– Уверен?

Джок махнул лапой, словно отменяя вопрос. Нет, бобры и правда не мастера сочинять, хотя любят разговаривать. Беседы их практичны. И если Джок утверждает, что общался с кем-то из Зеленых Садов – значит, что-то на самом деле было.

Свернувшись калачиком, словно превратившись в теплую меховую подушку, Джок заснул. Искрилась в тускнеющем лунном свете гладкая блестящая шерсть. Задремала Алена. Я начал собирать сухие и твердые былинки для костра. Всем спать нельзя – приползут гмусы, сглодают рюкзаки, а потом и до нас доберутся...

Солнце поднялось и взбиралось все выше, прогревая степь, жаля незащищенные участки тела. Запахло полынью и мятой – эти травы, конечно, в степи не росли, но запах был очень похожий. Застонав, проснулась Алена, начала рыть колодец. Джок бессовестно спал.

– Хоть бы мышку какую поймать, – тихо сказала девушка. – Из нее можно было бы сварить бульон. А еще я слышала, прежде ели кожаные ремни. Жаль, что у нас все из пластика и хлопка.

– Хлопок несъедобен, – вздохнул я. – А пластик едят только гмусы.

– Слушай, мы ведь правда не дойдем, – тоскливо посмотрев на меня, сказала Алена. – Ты проверял инерционный компас?

– Да. За ночь одолели двенадцать километров.

– Должны были тридцать.

– И что ты предлагаешь? Съесть его? – я кивнул на Джока.

Алена оценивающе посмотрела на бобра.

– В сущности, он ведь как крупная крыса... Говорящая. Ты никогда не ел нутрий?

– Было как-то раз.

– В нем мяса гораздо больше.

Под ножом хлопнуло, и девушка, встав на четвереньки, начала поспешно глотать мутную жидкость. Спустя пару минут ее место занял я. Вода уже не заглушала голод. Пить хотелось мучительно, и в то же время глотать воду было противно. Вот если бы это был бульон...

Джок встал под вечер, сменил на дежурстве Алену. Впрочем, я просыпался каждые десять минут – спать было невыносимо. Мучил голод.

– Мы не дойдем, – опять повторил бобер. – Но даже если случится чудо – вдруг гмусы добрались и до плота? Еще три дня пути вдоль реки без пищи. Мало того, что мы погибнем сами, потеряются чертежи Саншока! На вашем месте я бы съел меня.

– И как ты это себе видишь? У меня даже винтовки нет. Ее сожрали гмусы.

– Зато есть нож... Я не буду сопротивляться.

Мы с Аленой переглянулись. Если он хочет сам... Если он не ценит свою жизнь... Если нам все равно умирать... Почему нет?

Солнце село, а Джок опять заснул. Вдали от родных лесов и заводов он терял силы еще быстрее, чем мы. Но беспокоился о чертежах, а не о том, что не доберется до дома.

Мы собрали очень много сена и хвороста. Алена наполнила водой котел, достала почти невесомую титановую сковороду.

– Ты сможешь его освежевать? – тихо спросила девушка.

– Наверное. Думаю, шкура снимется легко.

– И мы ее выбросим?

– Если хочешь, оставим. Положишь у себя перед кроватью...

– Тебе бы все шутить! Он такой милый... Пушистый...

– И вкусный.

Джок действительно оказался очень вкусным. Особенно хороши были прожаренные кусочки филейной части. Мы с Аленой отдали должное его мясу и ощутили настоящий прилив сил. Что за глупые условности – не есть тех, кто умеет говорить? Здесь не Земля, у местных жителей другая культура и другие ценности. Теперь, по крайней мере, чертежи учителя Саншока не пропадут. И мы останемся живы.

Настроение у нас поднялось – ведь перспектива умереть от голода или упасть обессиленными посреди степи, став добычей гмусов, нам теперь не грозила. Мяса осталось много. Я обернулся к девушке и крепко поцеловал ее. От Алены пахло дымом костра и жарким, и это было так соблазнительно... В сущности, мы хищники. Хотя научились убивать не только когтями и зубами, но суть ведь от этого не меняется...

А сейчас мы могли потратить несколько килокалорий на простые человеческие удовольствия. Спасибо Джоку!

Как мы делали уют

Так получилось, что руководитель нашей колонии на Иоле очень любил свою жену. Ничего плохого в этом не было, пока связь с Землей была удовлетворительной. Когда же станция сгорела, и телепортатор взорвался, а мы не успели вынести ничего, кроме чемодана с платьями Гали, хорошие отношения Сережи к Гале приобрели странный оттенок, но мы не придали этому значению. В конце концов, чемодан жена руководителя колонии вытащила сама, и никто риску из-за нее не подвергался. Но в конце концов этот чемодан нам аукнулся.

Не скажу, что после гибели станции мы впали в отчаяние, но было как-то не по себе. Не осталось никакой материальной базы на планете, которую мы только начали просвещать. Хорошо, что местное население относилось к нам не враждебно, более того, воспринимало нас как персон, гораздо лучших, чем мы представляли собой на самом деле.

Нас было немного: Сережа, руководитель персонала станции, Галя, его жена и врач, два инженера – Лена и Саша, дипломат Миша и я, лингвист. До гибели станции мы старались улучшить нравы местного общества, и нам это удавалось. Многие из аборигенов приняли предложенный нами алфавит взамен иероглифов и читали книги, издаваемые специально для них на Земле. В основном, этически-философского содержания. Мы не спешили вооружать их техническими знаниями и навыками, за что теперь приходилось расплачиваться.

После катастрофы положение наше было терпимым, но не блестящим. Кроме чемодана одежды Гали и вещей, что мы имели на себе, у нас не осталось никаких материальных предметов цивилизации. У меня сохранился радиоприемник, часы, калькулятор и игровая приставка в одном корпусе, потому что я всегда носил это с собой. У других – такое же барахло. Ни у кого не было даже бритвы. Съестные припасы отсутствовали.

Чтобы выжить, мы переселились в местный город, возникший неподалеку от станции. К счастью, гибель нашей базы не отразилась на отношении к нам аборигенов.

Перспектива жить около десяти лет в нахлебниках у иолян, пока не придет корабль-спасатель, никому не улыбалась. Мы попали в неприятную ситуацию. Контракты с учеными на помощь местным жителям заключались максимум на пять лет, с двумя оплачиваемыми отпусками в год, которые, как правило, проводили на Земле или в других, более развитых, чем Иола, местах. Теперь нам предстояло десять лет работы без отпусков и выходных. Никто из нас не мог такого даже представить. Если мы не сломаемся и доживем до прилета корабля, нас наградят орденами и дадут пожизненную пенсию. Но я, лично, не испытывал больших иллюзий. Скорее всего, мы одичаем на этой планете и не сможем дать этой планете ничего путного.

Но я не был руководителем экспедиции, и организация жизни колонии Земли не было моей проблемой. По уставу колонистов, почти неограниченную власть получил начальник станции, то есть Сергей. Ему запрещалось лишь нарушать устав общения с местными жителями и подавлять нашу свободу в личное время. Восемь часов на службе мы были его рабами.

Похоже, этот деспот только и ждал подобного случая. Позже я задумывался над тем, не сам ли он поджег станцию.

Дня три Сергей думал и ничего не предпринимал. Восторженные толпы иолян все это время громко орали под окнами нашей резиденции, радуясь, что боги живут теперь с ними. Небритые боги радости иолян не разделяли.

Космический устав запрещал передавать слаборазвитым аборигенам продукты высоких технологий, но поощрял передачу знаний. План развития обитателей Иолы предполагал еще около пятидесяти лет накачивать местных жителей этическими доктринами, а уж затем

позаботиться об их техническом развитии. Похоже было, что сейчас в осуществлении плана произошел некоторый сбой.

Довольно симпатичные желтолицые иоляне, весьма похожие на людей, не знали об этих планах и хотели чудес от поселившихся среди них богов. Они не желали больше питаться баснями.

На третий день пребывания в народе наш командир вышел под руку с Галей, которая оделась в мягкое платье из заветного чемодана, и произнес следующую речь:

– Господа! По уставу вы обязаны подчиняться мне в рабочее время, если отсутствуют указания свыше или если все вы не проголосуете против этого. Если кто-то не собирается следовать моим указаниям (он взглянул в сторону Миши и меня), он может считать свой контракт расторгнутым, а себя – в отпуске. Бессрочном и неоплачиваемом.

– К чему так круто? – поинтересовался Миша.

– Для устранения недоразумений, – объяснил Сергей. – Так вот, я решил, чем мы займемся в ближайшее время. Если кто-то захочет преподавать аборигенам идеологические доктрины, ему отводится на это два часа рабочего времени и неограниченно – личного. Чтобы не было нестыковок с генеральным планом. В остальное время мы будем делать электрический утюг. Разумеется, привлекая в помощь аборигенов. Под каким соусом мы это подадим им, придумают Миша и Женья.

Заметив наши дикие взгляды, Сергей пояснил:

– Из всех предметов материальной культуры мы сохранили только одежду. У моей жены целый чемодан платьев. Их надо содержать в приличном виде. Поэтому нам нужен утюг.

– Да он поехал, – высказал вдруг мою затаенную мысль Миша. – И скоро мы все здесь поедем.

Разумеется, под старомодным выражением «поехал» он подразумевал «сошел с ума», а вовсе не «отправился в дальний путь».

– По ходу мы сделаем себе бритвы, – невозмутимо продолжал Сергей. – Я решил, что производство утюга – оптимальная цель для нас. Задача трудна, но выполнима. Нам надо чем-то заняться. Заодно научим кое-чему туземцев. Если сможем. Мы могли бы попытаться построить электромобиль или велосипед, но у нас вряд ли получится. На мелочи размениваться не будем. Лена и Саша подготовят технический проект, Женья и Миша организуют производство и привлекут к нему местных жителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.